

СБОРНИК ПЕСЕН
САМАРСКОГО КРАЯ,

составленный В. Г. Варенцовым

Самара
Областной центр народного творчества
1994

Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. Учебное пособие. Самара, ОЦНТ. 1994.

Подготовка текста и предисловие - д-р филол. наук
Ю. Б. Орлицкий

Нотные приложения - доцент Самарского института искусств и культуры Л. А. Терентьев

Художник - Евгений Бабушкин

Отв. редактор - С. М. Лейбград

© Самарский областной центр народного творчества, 1994.

О СОСТАВИТЕЛЕ ЭТОЙ КНИГИ

Имя Виктора Гавриловича Варенцова известно сегодня очень немногим, даже среди специалистов - литератороведов, фольклористов и педагогов. А между тем ему принадлежит исключительно важное место в культурной и научной жизни Поволжья 1850 - 1860-х годов. Две же его "образцово составленные", как выражались современники, книги - "Сборник русских духовных стихов" (Спб., 1860) и "Сборник песен Самарского края" (Спб., 1862) до сих пор не утратили своей научной ценности.

Биография В. Г. Варенцова, подробно воспроизведенная в нескольких публикациях исследователя его творчества Е. Боброва¹, удивляет двумя обстоятельствами: частыми перемещениями из одного губернского города России в другой и тем, что целью этих перемещений ни в коей мере не было перебраться в одну из столиц, как это сделали, к примеру, товарищи Варенцова по так называемому "Саратовскому кружку": Чернышевский, Костомаров, Мордовцев, Белов².

¹ Бобров Е. А. В. Г. Варенцов (Биографические заметки на основании неизданных источников). - Русская старина, 1903, N 2, с. 515-522; Бобров Е. А. Материалы для биографии Е. А. Белова. - Сборник учебно-литературного общества при Императорском Юрьевском университете, т. XII. - Юрьев, 1907, с. 54-72; Бобров Е. А. Педагогические труды В. Г. Варенцова. - В кн.: Бобров Е. А. Из нашей литературной и культурной истории. - Варшава, 1909, с. 48-73; Бобров Е. А. Отчет о занятиях во время командировки с ученою целью летом 1909 года. IV. Две книжки для народа в шестидесятые годы, Варшавские университетские известия, 1911, N 1, с. 12-20; Бобров Е. А. Заметки по истории русской литературы, просвещения и культуры. I. Материалы для биографии Виктора Гавриловича Варенцова. - Варшавские университетские известия, 1912, N 7, с. 1-12; N 8, с. 17-35.

² Бобров Е. Материалы для биографии Е. А. Белова, с. 71; "Чернышевский, Костомаров, Белов, Мелантович, Пасхалова, врач С. Ф. Стефани, Сорочинский, Ломтев, может быть - вот небольшой

Родился Виктор Гаврилович 30 ноября 1824 года в Вятке, в небогатой дворянской семье; его отец, Гавриил Васильевич, умер два года спустя в возрасте всего 24 лет, "надорвав себя чересчур ранними и напряженными трудами", как пишет Е. Бобров¹.

Будущий фольклорист и педагог учился, что называется, на медные деньги; по окончании вятской гимназии он в 1841 году отправляется в Казань, где с большим трудом поступает учиться в местный университет на казенный счет; четыре года спустя он оканчивает его по разряду словесности кандидатом со средним баллом 5 и приступает к педагогической деятельности.

Сохранилось замечательное воспоминание Варенцова о годах учебы, а точнее - об атмосфере провинциальных гимназий и университетов поры его юности; приведено оно в сноске к статье о швейцарских школах и позднее полностью процитировано в бобровской биографии. Трудно удержаться и не привести его здесь:

"Нас также отводили в школу шести лет, и только в 20 лет мы в первый раз вставали с ученической скамьи и выходили в жизнь, совсем не зная ее. И теперь, когда мне случается вспомнить об этом периоде жизни, мне представляются только уроки, товарищи и учителя, классные книги, да иногда праздники, в которые нужно было выучить много латинских и немецких слов или переписать какие-то толстые тетради. Другой жизни и других интересов в то время как будто и не было; не возникало никаких вопросов, кроме тех, на которые нужно было отвечать перед учителем; бедность являлась под видом невозможности купить греческий словарь, а произвол и насилие - в распоряжении попечителя отвести под арест

кружок образованных людей, держащийся особняком в саратовском обществе и вызывающий косые взгляды верноподданных горожан. Не следует, конечно, преувеличивать единство кружка", такую характеристику дает так называемому саратовскому кружку современный исследователь творчества Н. Г. Чернышевского А. Демченко; отсутствие в этом списке имени В. Варенцова объясняется, очевидно, тем, что Виктор Гаврилович прибыл в Саратов, когда Чернышевский уехал из Саратова в Петербург (Демченко А. А., Н. Г. Чернышевский. Научн. биография. Ч. 1. - Саратов, 1978, с. 252-252).

¹ Бобров Е. Заметки по истории.., с. 4.

студента IV курса за то, что он, занимаясь диссертацией на степень, считал возможным не приготовиться к репетициям. Зато жизнь и застала нас врасплох, ничуть не приготовленных и едва ли готовых к настоящему делу"¹.

В июле 1845 года Варенцов становится старшим учителем русской словесности в Пермской гимназии; с 1848 года он работает в той же должности в Пензенской гимназии, а затем - в Пензенском дворянском институте, где преподает также французский язык и географию; в 1854 году Варенцова по его прошению переводят в Саратовскую гимназию.

Три года работы в Саратове - одна из ярких страниц в биографии ученого; именно здесь он знакомится с Чернышевским, Костомаровым и Мордовцевым, отсюда отправляет свои первые материалы в столичный журнал. Это выполненные Варенцовым переводы сербских народных песен "Молодая Бреда" и "Сербская песня", опубликованные в "Русской беседе" (1857, том II, кн. 6).

Вот что писал о Варенцове саратовского периода его коллега, учитель М. Лакомте:

"Варенцов был человек отлично образованный, высоко развитый, знал свой предмет превосходно, имел огромную начитанность в произведениях русской и иностранной литературы, знал много статей наизусть, был хорошим биографом. Польза от его преподавания для заведения была, несомненно, велика. Его педагогическая опытность особенно сказывалась в руководительстве учеников при составлении им своих письменных упражнений, сочинений. Варенцов был мастер выбрать тему для сочинений ученику, отличноправляя эти сочинения, указывал слабые их стороны. Это было заметно на существовавших в то время литературных беседах учеников.

Скромный, тихий, мягкий, ласковый, приветливый, он казался и действительно был гуманным человеком. Всегда приятно было с ним встретиться, приятно побеседовать: на душе становилось легче, теплее. С ним и при нем хотелось

¹ Бобров Е. Заметки по истории.., с. 9.

быть лучше, чище; чувствовалось, что подле тебя находится чистая, честная личность”¹.

А так характеризует саратовский период жизни Варенцова - Бобров:

“Белов и Варенцов трудились на педагогическом по-прище и много читали. Собираясь друг к другу (еще и у помещицы Чечелевой-Кострецкой), эти люди обращали свои квартиры в “говорильни”, как тогда выражались, то есть долго и горячо, с ожесточением спорили о разных вопросах, волновавших тогда умы политических, литературных, педагогических, судебных; ожидалось введение конституции в России; больше всего спорили, конечно, о предстоящем и чаемом освобождении крепостных”².

По свидетельству Боброва, перипетии жизни саратовского кружка нашли свое отражение в неоконченном романе Д. Мордовцева “Профессор Ратмиров”, где, наряду с Костомаровым и Чернышевским, выведен также - под фамилией Жаренцов - Виктор Гаврилович, характеризуемый автором как “олицетворенная деликатность, мягкость и уступчивость”³.

В 1857 году, после смерти горячо любимой жены, Варенцов переводится инспектором в Нижегородский Александровский дворянский институт, а оттуда, в этом же году - адъюнктом по кафедре русской словесности в Казанский университет.

Здесь, в Казани, Варенцов пишет свои главные исследовательские работы: опубликованные в “Архиве” Н. Калячева “Материалы для истории города Камышина” (1857, кн. II), статью “О рукописном сборнике стихов XVIII столетия” (Библиографические записки за 1859, том II), работает над “Сборником русских духовных стихов” и, очевидно, над “Листком для народного чтения”, изданном в 1861 году в Вятке.

В статье “О рукописном сборнике стихотворений XVIII столетия” Варенцов дает интереснейшую характеристику

эпохи Петра I и литературы его времени с не вполне обычной для того времени точки зрения, выступая как зрелый, самостоятельный исследователь, оценивающий культурные реалии с позиций радетеля самобытной национальной культуры.

Статья эта интересна еще и тем, что сборник, подробно описываемый в ней Варенцовым, стал в значительной степени прототипом его собственного “Листка для народного чтения”, так же включающего в себя и народные песни, и литературные произведения, и духовные стихи, и переложения библейских текстов (кстати, сделанные самим Варенцовым). В статье как раз и оправдывается - ссылкой на прецеденты прошлого века - такое объединение разножанрового материала под одной обложкой.

Судя по приводимым Е. Бобровым фрагментам, в “Листке” содержались также оригинальные мысли Варенцова по теории словесности - в известном нам описании этой книги обозначены две оригинальные статьи составителя “Басня” и “Пословица”¹.

“Листок” издан в Вятке в 1861 году, то есть тогда, когда Варенцов уже работал у нас, в Самаре, директором Самарских училищ. Переехал он сюда из Казани в 1860 году, а уже спустя два года в Санкт-Петербурге вышел его “Сборник песен Самарского края” - поистине уникальная оперативность и собирателя, и его издателей! Причем если в приготовленный Варенцовым в Казани “Сборник русских духовных стихов” вошли многие произведения, собранные другими фольклористами и переданные ими автору, то “Сборник песен” - книга полностью самостоятельная, материалы для которой Варенцов не заимствовал нигде.

Большинство песен сборника собраны по указаниям Варенцова учащимися Самарской гимназии и уездного училища, “которые”, как пишет в предисловии составитель, “живя в кругу простого народа, сами пели их”². Таким

¹ Бобров Е. А. Отчет о занятиях во время командировки с ученою целью летом 1909 года. IV. Две книжки для народа в шестидесятые годы, с. 17.

² Сборник песен Самарского края, составленный В. Варенцовым. - Спб., 1862, с. 5.

¹ Лакомте М. А. Воспоминания педагога. 1844-1887 - Гимназия, 1889, № 2, с. 155.

² Бобров Е. А. Материалы для биографии Е. А. Белова, с. 70.

³ Там же, с. 69.

образом, Варенцов, в отличие от других русских фольклористов своего времени, выступает не только как собственное собиратель народных песен, но и как организатор (и тем самым пропагандист) такого собирательства, что тоже - несомненная заслуга исследователя.

Открывается "Сборник" прекрасной характеристикой населения Самарского края; великолепны также приведенные в книге замечания Варенцова, касающиеся различных жанров народной поэзии. Можно даже сказать, что комментарии Варенцова к народным песням представляют для нас сегодня не меньший интерес, чем сами собранные им произведения.

В этих заметках Варенцову удается то, что под силу немногим специалистам-филологам: сочетать чисто научный подход к произведениям словесности и собственно литературное мастерство изложения, делающее сами эти заметки фактом словесности.

К самарскому периоду биографии Варенцова относятся и его первые серьезные педагогические исследования. Прежде всего хотелось бы назвать его речь по поводу работы женских училищ, опубликованную на страницах "Самарских губернских ведомостей".

Уже в ней сказывается демократизм Варенцова - педагога, нашедший развернутое выражение в его более поздних статьях для "журнала министерства народного просвещения" и приведший его в ряды друзей и единомышленников К. Д. Ушинского.

Первая из этих статей - "О народной грамотности в Самарской губернии" - появилась в 11-м номере журнала за 1863 год. В ней, в частности, сказано: "Состояние грамотности в народе находится в самой тесной связи с социальными и экономическими условиями"¹. Интересно и следующее наблюдение Варенцова: "Учреждение училищ и закрытие их подвержены всяким случайностям: отыщется между крестьянами один толковый, расторопный мужик, убежденный в необходимости выучить детей своих грамоте, - и училище будет открыто, потому что соседи не

¹ Варенцов В. О народной грамотности в Самарской губернии. - Журнал Министерства Народного Просвещения, 1863, N 11, с. 40.

захотят отстать от него, удастся найти хорошего писаря, - и опять школа существует, потому что он будет и учителем; оставил он писарское место, - и школа должна закрыться".

Каждое положение своей статьи Варенцов строго доказывает с помощью цифр - не случайно же в 1861 году он был избран помощником председателя Самарского статистического комитета. Строгая аргументированность, приверженность к статистике как способу доказательства характеризует и другие педагогические сочинения Варенцова, написанные им в основном на основании зарубежных впечатлений.

Вернемся, однако, к самарскому периоду жизни Виктора Гавриловича. В 1859 году, еще работая в Казани, он вступил в Самаре во второй брак - с дочерью немецкого пастора Берты Алексеевной Марпург, от которой у него родился сын Алексей. По свидетельству современников, жена выглядела намного моложе своего мужа. Брак этот, однако же, не был удачным - вскоре супруги разъехались, а после смерти Варенцова его вдова стала супружкой А. А. Рихтера, служившего в начале 1860-х годов мировым посредником в Самарской губернии, ставшего затем управляющим книжным магазином известного народовольца Серно-Соловьевича (того самого, который издал "Сборник песен Самарского края"), - а впоследствии, окончательно оставив увлечение революционной деятельностью - крупным чиновником столичного министерства².

Зимой 1862 года Варенцов заболел и вынужден был отправиться на лечение в Европу. В Гейбелльгерге, по свидетельству известного русского педагога, друга и сотрудника К. Д. Ушинского Л. Н. Модзалевского, он "успел образовать вокруг себя кружок молодых русских с правильными еженедельными собраниями, на которых читались ученыe статьи, исследования, сообщения, отзывы о новых книгах и т. п., при чем нередко возникали оживленные прения"³. К этому же времени относится и зна-

¹ Варенцов В. О народной грамотности в Самарской губернии. - Журнал Министерства Народного Просвещения, 1863, N 11, с. 45.

² Бобров Е. Материалы для биографии Е. А. Белова, с. 56.

³ Модзалевский Г. Л. К биографии В. Варенцова. Русская старина, 1904, N 2, с. 446.

комство с ним Ушинского, спрашивающего в январе 1863 года Модзальевского в письме: "Что Варенцов? В Гейдельберге ли, и могу ли я найти его там в марте? Это необыкновенно симпатичная личность, и, видев его раз, не легко потом забудешь"¹.

Очевидно, однако, что в марте Ушинский уже не застал Варенцова в Германии: в это время Виктор Гаврилович совершил путешествие по Европе, о чем свидетельствуют его письма к Л. Н. Модзальевскому, опубликованные в 1904 году журналом "Русская старина". В них Варенцов вновь предстает перед нами как разносторонне одаренная личность. О его безусловном литературном таланте свидетельствует такое описание французского юга: "Время стоит такое, какого у нас не бывает среди самого жаркого лета; поля покрыты густой зеленью; розы и миндальное дерево в полном цвете, а лимоны и апельсины спелые сотнями висят на деревьях. Здесь и пальмы, и алоэ, и кактусы. Бог знает, чего тут нет. На море можно засмотреться"². Но вот какими словами заканчивается это описание: "А живут здесь грязно, одеваются в лохмотья, любят милостыню просить"³. Неприязнь к Европе сказалась и в такой характеристики, приведенной в письме из Ментона: "Ах, какая тоска у них тут, если бы вы только знали! Ну, точь-в-точь наши саратовские деревни"⁴.

Объяснение этим строкам - возможно, в следующем отрывке: "А знаете - что? Я никак не могу отвязаться от мысли, что может быть и мы теперь были бы не лишние в России; меня так и подмывает поехать туда и посмотреть, нельзя ли чем-нибудь помочь делу"⁵.

Интересно, что в письме из Триеста Варенцов сообщает Модзальевскому: "В Праге... у меня есть старые знакомые от страны Русские, града Самары".

Однако эмоции-эмоциями, а статьи, привезенные Варенцовым из европейской поездки и опубликованные затем в "Журнале Министерства народного просвещения", про-

никнуты глубоким уважением к европейской системе образования. Особое внимание Варенцов уделил в них детскими садами, которых в России тогда еще не было. Особенно характерна демократическая мотивировка необходимости их введения:

"Если мы припомним свое собственное детство, нам смутно представится ряд школьных товарищей, детских радостей и мелких огорчений, и во всем этом смешение образов картин и воспоминаний - никакой руководящей идеи, которая давала бы смысл нашим смутным представлениям. Только любовь матери проходит через все наши детские годы, через наши игры, забавы и печали и озаряет их тихим, ласкающим светом.

Теперь спустимся из нашей сферы, сферы удобств, прихотей и цивилизации, в низшие слои общества, которыми населены сырье подвалы и чердаки многочисленных городов или бедные, холодные избы глухих деревень: какие печальные картины детской жизни найдем мы там! Там дети растут в одном воздухе с курами и поросятами; вместо света, тепла и чистоты их обдает сыростью мокрой соломы. Запахом пыли и дымом лучины, который выедает непривычные глаза. Брань, попреки и толчки, грубые слова и печальные примеры семейной вражды, мелкого тиранства, обмана и зависти - вот та нравственная атмосфера, в которой должно жить, и дышать, и развиваться бедное детство бедного простолюдина. И если натура его вынесет весь этот длинный ряд истязаний и не сломится под бременем лишений, болезней и нравственного страдания, - все же он вступит в жизнь без энергии, без силы, без борьбы, лишенный убеждений, какие дает нравственное развитие, без цели и без средств, с тупой покорностью судьбе. Для них-то, для этих бедняков, осужденных прежде рождения, нужно было бы обществу подумать о первоначальном воспитании детей и принять на себя заботу об устройстве сельских школ и особенно сельских приютов. Университеты и гимназии - дело весьма хорошее; с них Петр Великий когда-то начинал образование России; об них хлопочем и мы теперь; но все это - аристократизм

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. Т. II. - М.-Л., 1952, с. 170.

² Модзальевский Г. Л. К биографии В. Варенцова, с. 446.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 447.

общественной жизни, который еще ярче выставляет бессилие забитого народа”¹.

По точному замечанию Е. Боброва, “рассматривая чужие порядки, путник наш постоянно вспоминает о далекой Родине, сравнивает свое и чужое, предается размышлению, порою испытывает чувства, приводя себе на память то, что сам жил так на педагогическом поприще”². Нельзя не присоединиться и к другому замечанию биографа Варенцова: “Но гораздо более, нежели по своему содержанию, симпатичны статьи Варенцова по духу, их оживотворящему. Если оставить в стороне легкомысленные увлечения автора, извинительные и понятные, как продукт влияния его времени (автор наивно верит в возможность воздействия на детей и юношей одного убеждения, автор не совсем верно понимает значение государственного языка в инородческой школе), то убеждения Варенцова представят перед нами в самом привлекательном свете. Он искренно, по призванию любил дело воспитания, образования и обучения, но был сторонник более широкой умственной эманципации женщины, он любил детей, горячо желал света образованности для низших классов, бедноты, для родного народа в городе и деревне. Эти стороны мировоззрения Варенцова заставляют видеть в нем такого педагога, каких нам на Руси Бог давай побольше!”³.

Ограниченные размеры этой статьи не позволяют нам рассказать о других сторонах творческой личности Варенцова - например, о его оригинальных стихах и переводах. Остается только досказать в нескольких словах биографию этого интереснейшего человека.

С 1863 года он, по состоянию здоровья перебравшись на юг, работает сначала директором Керченской Александровской гимназии, а с 1864 года - инспектором Одесского учебного округа, активно пропагандирует педагогическую систему Ушинского, “хлопочет”, по выражению Л. Н. Мод-

¹ Варенцов В. О приютах и школах для малолетних и о детских садах Фр. Фрибеля. - Журнал Министерства Народного Просвещения, 1863, июль, ч. СХІХ, с. 125.

² Бобров Е. Педагогические труды Варенцова, с. 49.

³ Там же, с. 73.

зальевского, об открытии Одесского университета и подборе профессорских кадров для него.

Двумя годами спустя, уже в чине действительного статского советника, Варенцов выходит в отставку и еще через год, 1 апреля 1867 года на 42 году жизни умирает.

Литературное наследие, оставленное Варенцовым, не велико и не мало. Но особый интерес представляет для нас сегодня его “Сборник песен Самарского края”, по поводу которого Е. Бобров справедливо писал в свое время: “Издание Варенцова служит примером, чего можно достигнуть на поприще фольклора с самыми обыкновенными средствами, но при коллективной работе, поставленной разумно и целесообразно”¹. Причем в ней для современного читателя в равной степени цепны и текст песен, и их характеристики и способы бытования. А приложенные к старинному сборнику нотные варианты, записанные уже в наше время, превращают эту книгу из архивной реликвии в живого участника сегодняшней культурной жизни.

**СБОРНИК ПЕСЕН
САМАРСКОГО КРАЯ,**

**составленный
В. Варенцовым.**

**Издание
Н. А. Серно-Соловьевича.**

**С. ПЕТЕРБУРГ
В типографии О. И. Бакста.**

1862

Собрание русских песен, изданное П. И. Якушкиным (0.3.1860 г. IV - XII), и вслед за тем издание песен, собранных П. В. Киреевским, предпринятое Обществом любителей российской словесности, дают право надеяться, что эти предприятия могут, хотя до некоторой степени, пополнить пробел в изучении нашей народной литературы и в ученой разработке ее вопросов. Тем не менее это еще далеко не последнее слово, и помимо всех, как прежних, так и новых, изданий много есть еще в народе поэтических мотивов, которые настойчиво требуют нашего внимания, тем более, что эти мотивы мало-помалу умирают вместе со стариками, которые знали их и дорожили ими. Желая принести посильную дань к уяснению этих вопросов, я предлагаю вниманию публики составленный мною сборник песен Самарского края. Песни эти, большую частью записанные учениками гимназии и Самарского уездного училища, которые, живя в кругу простого народа, сами пели их; они сличены мной с другими, печатными и рукописными, текстами и приведены в известный порядок. В доставлении мне текстов я много обязан г. учителю Самарского уездного училища Карлину. Я считаю необходимым приложить к изданию небольшое введение и примечания, насколько мне позволяют составить их время и умение.

Самарский край населен пришельцами из разных губерний. Это заселение, начавшись с XVI столетия, а может быть и ранее, продолжается и до настоящего времени. Кроме инородцев, именно татар, башкир, чуваш и мордвы, а также - в незначительном количестве - цыган, вотяков и калмыков; кроме немцев-колонистов, живущих в Николаевском и Ново-узенском уездах, вы встретите здесь пришельцев, может быть, из 20 губерний: тут есть и остатки польской шляхты, поселившейся когда-то в Мензелинском уезде и отчасти в Бугульминском; есть и малороссы по

солевозным трактам, илецкому и элтонскому, и по рекам Иргизу и Кинелю; есть переселенцы из всех окружных губерний, особенно из Тамбовской, также Куриане, Туляки, Рязанцы и много других.

Трудно определить общий характер такого населения; можно только сказать, что это были, большую частью, люди, которые покинули родную землю и могилы отцов, или спасая свои религиозные мнения от преследователей, или давимые тяжестью помещичьей власти, или преследуемые грозящим законом за буйную удаль и казачество; наконец, в нынешнем столетии причиной колонизации были неурожай и бедность крестьян в некоторых губерниях и слухи о богатстве и приволье заволжского края. И теперь сохраняется в этой стороне память о "сиротской дороге", по которой ходили искать себе счастья эти бездомные скитальцы... Тут, среди этого раздолья степей, пелись, тут, может быть, и сложились вольные, как полевой ветер, и песни про буйную удаль, про темную темницу и тоску по воле.

Чем дальше уходит в глубину минувшего начало их поселения в самарском крае, тем меньше встречается у них таких особенностей, которые напоминают об их метрополии; чем новее поселение, тем оно больше сохраняет своих обычаем, песен и обрядов, занесенных из другого края. Точно также и с языком. Но при этом надо заметить, что те колонисты, которые живут, со всех сторон окруженные инородцами, гораздо дольше удерживают свои особенные черты: так, поселенцы из Тульской и Рязанской губерний в Самарском и Бузулукском уездах, живя среди чувашей и мордвы, до сих пор сохраняют свои костюмы и наречие; еще упорнее в этом отношении малороссияне, как например, по Иргизу в Ново-узенском уезде.

Это разнообразие говоров, обычаем и правов, поверий и обрядов, конечно, должно было отразиться и в песнях, которые поются в Самарском крае. Тут вы услышите:

"Ой, горе, горе - та не оране поле!"

или:

"Была жинка мужика
Пинила позывати..."

В другом месте раздается песня, в которой поется про пана и его коханочку; в третьем, про Неву, про Дунай, про Киев и т. д. Таким образом, напоминая вам тот или другой край, откуда пришли переселенцы, песни эти своим поэтическим содержанием обнимают всю Россию и выражают народную жизнь во всем ее разнообразии.

Я разделил песни на семейные, солдатские, фабричные и шуточные вместе с сатирическими. Кроме того, в отделе семейных я ввел деление песен на детские, на песни про любовь и семейную жизнь, хороводные, игральные и обрядовые, и, наконец, свадебные песни. Может быть такое подразделение покажется слишком дробным, но я полагаю, что при этом условии гораздо удобнее обозревать каждый отдел песен и выводить из него результаты о той или другой стороне народной жизни.

В начале каждого отдела поставлены самые старые и, стало быть, лучшие песни; кроме того, я старался сгруппировать их таким образом, чтобы несколько песен, помещенных одна за другой, представляли читателю отдельную картину народной жизни, развивающуюся в нескольких моментах. Думаю, что это удалось мне в нескольких солдатских и особенно в разбойничьих песнях.

I.

Наше знакомство с народной поэзией начинается с самого детства. Хорошо тому, кого в колыбели убаюкивало ласковое пение матери, полное глубокой любви к своему беззащитному ребенку, или, по крайней мере, песни няни, которой нежность иногда заменяет любовь и заботы матери. Если мы не в состоянии помнить эти песни над своей колыбелью, то, может быть, мы помним их над нашими братьями и сестрами, которые были моложе нас.

У нас не много колыбельных песен, не много напевов, которые поются над детьми, потому что тут важно бывает не содержание песни, не слова ее, которых ребенок еще не может понимать, - важны одни только звуки, нежные, ласкающие слух. Ребенок любит, чтобы его баюкали: он сам баюкает себя, стараясь напомнить о том матери, и нет средства, которое было бы столько удачно, которое могло бы так скоро и легко успокоить и усыпить дитя, как это тихое, мерное пение.

Есть у нас несколько детских или колыбельных песен с намеками на старое время, песен, которые отзываются памятью о смертной эпохе татар; но они мало-помалу теряют характер колыбельных по мере того, как самый смысл их становится для народа темным историческим преданием. Вот одна из таких песен, записанных в нашем Самарском kraе:

I.

За горами-то
За высокими,
За лесами-то
За дремучими,
Там горят огни
Не ясные;
Злы гатары там
Свой полон делят.
Еще кто к кому
Во полон пошел?
Доставалася
Теща зятюшке.
Он привел ее
К молодой жене:
“Еще вот тебе,
Жена, нянюшка!
Ты заставь ее
Делать три дела:
Дело первое -
Шелков кужель прясть,
А друго дело -
Гусенят пасти,
Дело третье -
Что дитю качагъ”. -
Она качать дитю,
Прибаюкивать:
“Баюшки-баю,
Баю дитятко!
Ты по батюшке -
Злой татарченок,
А по матушке -
Мил внушеночек:
Твоя матушка
Моя дочь была,
Как семи-то лет.
Во полон взята;
И у ней-то есть
Две приметочки:
На белой груди
У ней родинка,
На правой руке
Нет мизинчика”.
Услыхали то
мамки, нянюшки;
Побежали они
К молодой панье:
“Еще что это
За старушенька,
Что качать дитя,

Прибаюкивать:
- Ты баю, баю,
Дитя милое,
Ты по батюшке -
Злой татарченок,
А по матушке -
Мил внушеночек!"
Побежала панья
На фабричный двор,
Она бросилась
К своей матери.
- Государыня,
Моя матушка,
Что же прежде ты
Не сказалася?
Если хочешь ты, -
У меня живи,
А не хочешь жить -
Не могу держать.
Ты бери казны
Сколько надоно.
И поди домой,
На святую Русь;
А как мне младой
Уж так Бог велел:
Что связали меня
Дети малые;
Не видать-то мне
Милой родины,
Оставаться век
Во неволюшке!" -

У Костомарова, стр. 18.
В сборнике г. Якушкина, стр. 79-82.

Одна из немногих песен, оставшихся от татарского по-
грома, очень распространена, особенно в форме колы-
бельной.

Варианты к ней:

2.

По горам, горам, по высоким,
Тут огни горят негасимые;
Злы Татаровы тут полон делят.
Доставалася теща зятю в плен;
Он отвез ее к молодой жене...
"Ты заставил ее три дела делать:
Дитя качать, тонкий кужель прясть,
А и третье дело - циплят пасти...
- Ты, баю-баю, мое дитятко!

3.
На горе, горе, да на крутой горе,
Огни горят да все светлые,
На тех огнях да светлых
Котлы кипят да кипучие.
Вокруг огней да все светлых
Сидят тут злые Татарове,
Сидят, делят да все животы
Твоего отца родимаго.
Встань, пробудись, мое дитятко,
Соимай со стены саблю вострую,
Ты коли, руби злых Татаровей!..

4.

Спи, усни, мое дитятко,
Поколева гроза пройдет,
Гроза пройдет, беда минет,
Беда минет наносная!
Спи, усни, мое дитятко!
Твоя матушка - полоняночка,
Твой батюшка - полоняночек.
Набегали тут злы Татарове,
Сожигали они дома, теремы.
Спи, усни, мое дитятко!..
Злы Татарове набегали,
Старых стариков убивали,
Молодых во полон полонили;
Разлучили тебя, дитятко,
Со родимой со матушкой;
Отогнали прочь, дитятко,
Твоего отца родимаго.
Ты расти, мое дитятко,
В силе-крепости, в младости!
У тебя ли в широком дворе
Стоит терем одинщенек,
Что без батюшки, без матушки,
Без твоей молодой жены.
Ты седлай вороного коня,
Ты скачи в Золоту Орду,
Вызови ты родна батюшку
Со родимою матушкой.
Вызови ты молоду жену
Во свой терем изукрашенный!

За этим я помещаю несколько песен, которые более или
менее знакомы каждому из нас: песни 5, 6 и 7 - собственно
колыбельные, 8-я и 9-я соединяются с известными жестами
или с игрой, которой стараются развлечь и посмешить
ребенка. Во всех в них вводится мир, самый близкий,

самый доступный детским понятиям, слова, которые он постоянно слышит кругом себя; этот маленький мир одушевляется в глазах его и живет одною с ним жизнью, точно так же, как сказочный мир, о котором он скоро услышит от своей няни. И там ему также хорошо будет спасаться под звуки однообразных припевов и повторений...

5.

Баю-баюшки-баю,
Прилетали галочки
На попову пашенку,
Поклевали пашенку.
Шел мужик бедный,
Нашел котел медный,
Сделал ложку большую,
Сварил кашу крутую,
Почерпнул со дна -
Только крупочка одна.

Бузул. уез., с. Зуевки,
перес. из Воронеж. губ.
(См. нотные прил.)

6.

Баю-баюшки-баю,
Баю милую дитю.
У кота была - кота
Колыбелька золота,
А у моего Лелиньки
Лучше того,
Новоточенная,
Позолоченная,
Сверху - медью
Оклоченная.
Приди, котик, ночевать,
Мово Лелиньку качать,
Уж как я тебе - коту
За работу заплачу! -
Кувшин молока
Да конец пирога.
Котик, ешь - не кроши
Да и больше не проси.

Поют пересел. из Нижн. Новг.
(См. нотные прил.)

7.

Баю-баюшки-баю,
Колотушек надаю,
Колотушек с пять,
Лучше будешь спать!

(См. нотные прил.)

8.

Ладушки, ладушки!
Где были? У бабушки.
Что ели? Кашку.
Что пили? Бражку.
Кашка слатенька,
Бражка хмеленька,
Бабушка добренька.
Попили, поели,
Долой полетели,
Сели на головку
На маковку...

(См. нотные прил.)

9.

Сорока, сорока
Кашу варила,
На порог скакала,
Гостей созывала.
Гости на двор -
Каша на стол.
Одному дала,
Другому дала,
Третьему дала,
Четвертому дала,
А пятому недостало.
Ты, шиш, мал,
Крупу не драл,
Воду не носил,
Дрова не колол,
Печку не топил,
Кашу не варила.
Ш-ш-ш... полетели,
На голову сели,
Там и кашу съели.

После песен, которыми, бывало, баюкали и забавляли нас в светлые годы нашего детства, нам припоминаются другие песни, которые мы уже пели сами, играя между

собой в детские игры: в них все еще тот же фантастический мир, те же пестрые образы, которые может понимать только детская фантазия. Может быть, в этих образах хранятся остатки каких-нибудь доисторических преданий и мифов; но нам трудно восстановить смысл их по этим немногим отрывкам и может быть это - один только набор созвучий, подведенных под какой-нибудь детский напев и лишенных всякого дальнейшего значения, точно так же, как самые понятия детей еще лишены определенности и связи. Такие песни напоминают нам детские игры, которые соединены с приговорами, и эти приговоры точно также представляют набор непонятных звуков, иногда лишенных всякого смысла; таковы, напр., "Первый дан, другой дан, на колоде барабан, пятьсот судья, катерин бадья, месяц заяц вырвал травку, положил на лавку, кто возьмет, тот вон пойдет..." - "Первиризи навиризи, кому царь царевый сокол воробей пияницы на яицы шохман лохман дикинь выкинь". Кто разгадает, какой смысл в этих звуках и есть ли в них какой-нибудь смысл? - Сюда же я решаюсь вписать и те песни, которые в старину имели более серьезное значение, но теперь, перейдя в область щуточных и сатирических, сделались почти исключительно забавой детей.

10.

Ах ты, радуга-дуга,
Поведи меня в луга.
Там лук-чеснок,
Киселя горшок.
Ложка гнется,
Сердце бьется,
Душа радуется.

Поется переселенцами из Ниж. Новг.

11.

Дождик, дождик, перестань!
Я поеду в Арестань
Богу помолиться,
Царю поклониться.
Я у Бога сирота,
Отпирала ворота
Сучком, крючком,
Закорючечком.

По другому варианту:

...Отпирая ворота
Ключиком, замочком,
Золотым платочком.

(См. краткие прил.)

12.

Туру-туру пастушек,
Калиновый батожек!
Куда стадо гонишь?
От моря до моря,
До Киева града,
Там моя родина;
На родине дуб стоит,
На дубу сова сидит.
Сова та мне теща,
Породила сына.
Как ему имя?
Царя Константина.
Что царь делает?
Туру ногу пишет,
На девицу дышит.
Девица-девица,
Сходи по водицу!
Я боюсь грозицы.
Гроза на болоте,
Волк на работе,
Колоду ворочает...

Бузул. уезд, село Грачёвка.

13.

Взгляд
Туру-туру пастушек,
Калиновый батожек!
Где ты зиму зимовал?
У царя в Москве.
Что царь делает?
Туру ногу пишет,
На девицу дышит.
Девица-девица,
Сходи по водицу,
Напой молодицу.
Я волка боюсь.
Волк на работе,
Сова на болоте,
Платье колотит.
Поповы ребята

Горох молотили,
Удалили в доску,
Поехали в Москву.
Москва-та женилась,
Казань провалилась.
Уж вы, школьнички,
Вы, разбойнички,
Вы разбили Москву.

Поют переселенцы из Нижнего.

14.

Варакушка,
Где ты была?
За воротами.
Где ворота?
Водой снесло.
Где вода?
Быки выпили.
Где быки?
За горы ушли,
Где горы?
Черви выточили.
Где черви?
Гуси выклевали.
Где гуси?
В тростник ушли.
Где тростник?
Девки выломали.
Где девки?
Замуж ушли.
Где мужья?
Они померли.
Где гроба?
Они погнули.
Где гнилушки?
У тебя во дворушке.

Бузул. уез., с. Грачевка.

15.

Овечушка ялова
На речушке плавала,
Увидала дьявола,
Побежала к дубу,
Закусила губу.
Уж ты, цялюшка Матвей,
Наплел маленьких лаптей.
У нашего господина
Разыгралася скотина,

И коровы и быки
Разинули кадыки;
Овцы в танцы,
Утки в дудки,
Мухи-плотнички,
Тараканы в барабаны,
Коза в синем сарафане,
Козел в алленых* портах,
В новых валенках.
Таракан дрова рубил,
Себе руку отрубил,
Комар воду возил,
В тине ноги завязил,
Блоха банюшкутопила,
Вошка парилася,
Да запарилася,
С полка саливалася,
Мала гнида подскочила,
За рученьку потащила
И в гробик положила.

*Бузул. уезд, село Грачевка.
(См. нотные прил.)*

16.

А ду-ду, ду-ду, ду-ду!
Сидит ворон на дубу;
Он играет во трубу.
Труба точеная,
Позолоченая.
У царева кабака
Была яма глубока;
Там мышки дрались,
В одну яму сорвались.
Утки в дудки,
Сверчки - в дьячки,
Тараканы в барабаны,
Коза в синем сарафане,
Козел в сапогах.
Комар пищит,
В баню дров тащит;
Комариха завопила,
Пошла - баню затопила.
Бабушка Ульяна,
Сошей мне рубашку -
Косой вороточек
Ехал в городочик.

(См. нотные прил.)

* Так выговаривают "льняной", ср. сл. "аржаной".

Ах, бей чеботы,
Не жалей чеботы!
Не сама я их купила,
Не сама деньги платила.

18.

Дон, дон, дон!
Загорелся жучий дом;
Бежит жук с ведром
Заливать свой дом.

19.

Сова ль моя совая,
Сова чернобровая, -
Московская барыня,
Зарецкая княгиня!
Узнали про сову,
Узнали про вдову
Два луня белые,
Два друга милые.
Стали за сову
Сватов посыпать:
Ворона сваха,
Сорока сходаха,
Ворон сватом,
Сокол зятем.
Стали сове говорить,
Сова замуж норовит.
"Поди, сова, замуж
За белого луня,
За белого луня,
За милого друга!
- Что же мне нейтити,
С чего не ходити?
Или я кривал,
Или я косая,
Или косолапа,
Или разнолапа?
Я сова хорошая,
Я сова румяная,
Сова чернобровая.
Три праздничка сряду,
Сыграем мы свадьбу. -
Свадьбу сыграли,
Полетели в поле -
Поле полевати,
Горе горевати,
Зиму зимовати.
Вот навстречу сове,
Навстречу вдовой

Летели три стада:
Перво стадо купчики,
Другое голубочки,
Третье - рябчики;
Рябчики рябеньки,
Сами то маленьки,
Крылушки востреньки.
Они сову били,
Они колотили,
В клочье изорвали,
Усю разметали.
Сова всторопилася,
Назад воротилася;
Прилетела ко двору,
Сова села на полу,
Повесила голову
На правую сторону.
- Рябчик, ты, рябчик,
Московский подрядчик,
Что ты нас не судишь,
Что ты не рассудишь?
"Сова ты, совища,
Большая головища,
Широкая рожа,
Глядеть не пригожа!
Как мне вас судить,
Чего я не знаю,
Чего я не ведаю?
Вот и наши слуги
За рекою были,
Сено косили;
Сено покосили,
В стоги пометали,
Домой прилетали.
Иде у вас косы,
Да все у нас носы.
Иде у вас вилы,
То-то у нас крылы;
Иде у вас грабли,
То-то у нас лапы.
Мужик на мельницу едет,
Пашеничку везет,
Он молол на муку,
Обратил на крупу.
Поставили пирожки,
Они пышнички.
Пашенишнички;
Три недели кисли,
Квасили, квасили, не проквасили;
На четвертую неделю
Я вон вывалила;
Уж я по печи катала,
По подлавичью ватяла.

На печь в углу сажала,
На палатах пекла,
Кочергой гребла;
Навалила на салазки,
Повезла продавать;
Поставила коробок,
Повезла в городок.
Как навстречу мне, сладой,
Идет мальчик молодой.
“Да что, тетушка, везешь,
Что, тетушка, продаешь?”
Я не камушек везу,
Не кирпич продаю,
Везу ситнички,
Полу-ситнички.
За Поповым за двором
Лежит пирог с творогом;
Кабы был топорок,
Пересек бы поперек;
Кабы было с кем,
Пополам бы съел.

Бузул. уез., село Зуевка. Переселенцы из
Воронеж. губ.

Эта песня, вероятно, была когда-то сатирой на нравы.

20.

Сова ль моя, совынька,
Сова ль моя, вдовынька!
Где ты живала?
Где ты бывала?
В темным лесищи,
В горелым дуплищи.
Нехто совыньку не знал,
Нехто ее не спознал.
Вспознали то люди -
Комары да мухи,
Стали залетати,
Стали ее сватать,
За белого луня (ястреба, прим. певца),
За милого друга
Я ль сова не гожа,
Я ли не хороша!
Я сова хороша,
Сова толсторожа,
Сова большеглаза.
За кого же мне выйти?
За белого луня,
За милого друга.

21.

Журавль долгоногий
На мельницу ездил;
Диковинку видел:
Козел мелет,
Коза засыпает,
Маленьки козлятки
В амбара гуляют,
Муку насыпают,
Сами согребают;
А барашки - круты рожки -
По улице ходят,
В дудочки играют;
А вороны-стары жены -
Пошли танцовати,
А сороки белобоки
Пошли примечати:
Ногами топ-топ,
Глазами хлоп-хлоп.

Буз. уез., с. Грачевка.

22.

Куда дорожинька,
Куда широкая?
В Москву дорожинька,
В Москву широкая.
В Москве дива много,
Дивей всего было -
Ребята продавали,
На лыки меняли:
За молодца лык пучню,
За красавца две пучни,
За девицу сто рублей,
За красную тысячу,
За русу косу сметы нет.
На девушек смерти нет,
На робят погибели,
Красных девушек покинули,
Пахать уехали.

Запис. там же.

23.

Сваха, ты сваха,
Сходатая сваха!
Отдай свою дочерь
За моего сына.
Мой сыночник,

Что белый сырочик;
А твоя дочка,
Что белая кочка.
Двое-трое,
Все четверо,
Лубьями крыты,
Гвоздями биты.
Коза не подскоче,
Сено не подвали.
Коза подскочила,
Сено подвалила.
Стрелся козел под горою.
“Нуж тя, девка, поцелую”.
- Ну те к чорту, не бесися!
Дай гривну золотую,
Тогда тебя поцелую.

Там же.

24.

Варвара-кума,
В амбаре была,
Приошмаривала (?),
Приговаривала:
Еще кум куме рад,
Завел ее в виноград:
Бери, кума, ягоды,
Которые надобны;
Которые сладки -
Клади ко мне в шапку;
Которые горьки -
Жене моей Орьке.

Поется переселенцами
из Симбирской губ.

25.

Из-за лесу, из-за гор
Едет дядюшка Егор.
Его девушки любили,
Кашей масляной кормили.
Каша масляная,
Ложка крашеная,
Ложка гнется,
Нос трясется,
Душа радуется.

II.

Теперь выйдите из воспоминаний детства и перенеситесь мыслию в другую пору нашей жизни: припомните то время, когда новые стремления, новые вопросы и надежды обхватили вас, и вы, оставя за собой родной очаг, начали новую жизнь в другой, более сложной обстановке. Может быть и тут было много поэзии, но не той, с которой вы познакомились в детстве. И вот через много лет вы опять увидели знакомые, родные места; опять повеяло на вас воспоминаниями детства, и нам стало так хорошо, как будто и воздух, и небо, и все, что ни есть кругом, все опять тоже, что было тогда, тому назад двадцать или более лет. И в этом светлом настроении вдруг слышится вами песня, которую вы слышали в то время, народная песня, полная тоски и любви, и ласкающие звуки ее польются, польются вам в сердце, воскрешая забытые годы. Вы оглянетесь кругом себя, и то, что прежде казалось вам таким тихим и светлым, примет в глазах ваших иной смысл: эти бедные полуразвалившиеся избы, это окно, затянутое какой-то тряпкой, и скворечник, на котором сидит кошка, карауля добычу, и баба с ведрами на плечах и с тупым, запуганным выражением в лице, - все осветится в глазах ваших другим светом, и вам будет больно на душе, как будто вы ждали чего-то совсем иного и горько обманулись... А тоскливы звуки песни будут носиться кругом вас и надрывать ваше сердце! Вслушайтесь в эти звуки, взгляните в этот мир, которого внутренняя жизнь так мало знакома вам, в эти невеселые явления, и спросите себя, где же причины их?

От чего такой невеселой рисуется в этих песнях жизнь семейная: отношения жены к мужу, молодой невестки к свекру или к свекрови? Самая любовь большою частию является своей трагической стороной. Если есть песни, в которых как будто выражается веселье, то часто тоскливый напев их совершенно противоречит веселому содержанию; или наоборот, какой-нибудь живой, вызывающий на пляску напев соединен совсем с невеселым содержанием, и эта противоположность еще больше усиливает тяжелое впечатление. Есть и такие песни, которые звучат желанием махнуть на все рукой и забыться в буйном разгуле. Только обрядовые и хороводные песни как память старины и вместе с ней лучшей, более светлой поры в жизни народа, носят не столько печальный характер.

Между песнями Самарского края есть такие, которые, судя по их содержанию, относятся к далекой древности, и чем больше песня сохраняет признаков старины, тем она поэтичнее.

Чем дальше развивается историческая жизнь народа, тем слабее становится в массе поэтическое творчество, как будто вся сила и глубина поэтического чувства, все богатство и разнообразие поэтических сборников переходит к отдельным поэтам-художникам, которые служат представителями целого народа. Фантазия народная теперь не создает уже мифических образов, а только повторяет старые предания, варьируя их; если же порою и встречаются нам такие новые образы, как, например, у людей Божиих или в других новых сектах, то формы их большою частию лишены всякого поэтического значения. Таким же образом народ не создает и новых поэтических примеров, а повторяет новые, или прибегает к неудачным подражаниям, новым формам, которые созданы не народной поэзией. Даже старые песни, которые до сих пор уцелели в памяти народа, и те мало-помалу становятся беднее поэтическими формами: в этом отношении очень любопытно взять какую-нибудь песню и проследить, как она пела в начале XVIII столетия или в конце его и как поется теперь, конечно, если только она сохранилась каким-нибудь образом в рукописи или в печатном издании. В то же время одна и та же песня в разных краях России поется неодинаково: в местах глухих

и одиноких сильнее сохраняется тип песни, тогда как в местностях более оживленных, среди новых влияний, песня, еще сохраняя старое содержание, теряет поэтические формы. Она выпускает подробности, смешивает несколько мотивов в один, или, наконец, представляет какая-нибудь отрывок старинной песни без начала и конца. Вот на каком основании мы собираем варианты одной и той же песни, чтобы по ним можно было восстановить старинный тип и вместе иметь понятие о том, в какой местности и до какой степени сохраняется поэтический характер и любовь к песням в нашем народе.

1.

По улице по широкой,
По мураве по зеленои,
Тут шла девка-семилетка;
За девкою сын купецкий:
“Постой, девка-семилетка!
Загадаю три загадки,
Чтобы ты, девка-семилетка,
Отгадала и сказала:
Да что растет без коренья?
Да что цветет да без цвета?
Да что шумит да без ветра?”
- А я, девка-семилетка,
Отгадала и сказала:
Растет камень без коренья,
Цветет сосна без алого цвету,
Шумит вода без буйного ветру.

Поют переселенцы из Воронеж. губ.
Буз. уезда в с. Зуевка.
(См. нотные прил.)

Ср. малор. сказку про девку-семилетку, о которой говорит Н. И. Костомаров в примечании к Муромской легенде (Пам. стр. р. лит. ч. 1), также песни подобного содержания в сборнике Метлинского стр. 362-64. Там семь загадок; тоже и в русской песне, напеч. Ф. И. Буслаевым (0.3.1851.IXXVII. стр. 32-33), и в варианте ея (в 0.3.1841 г., Май VI.58). В песне Лужицкой вот какие эти загадки с ответами на них:

Как зимой-то зеленеет ель молодая,
Как и летом да без цвету палортник-трава.

Серу утицу в теплым гнезде,
Красну девицу в высоком терему".

По другому варианту окончание такое:

"Ты убей, убей, кленовая стрела (калинова, вар.)
Серу утицу на Волге на реке,
Сиза голубя на каменной стене,
Красну девицу в высоком терему:
Красна девушка - забавушка твоя,
Сиз голубчик ли - то скорый твой посол,
Сера утица - то кушанье твое. (?)"

Песня, судя по содержанию и складу ее, очень старая. Она встретилась мне и в рукописном сборнике XVIII ст. (см. мою статью об этом в Библ. Записках 1859 г.). Там также терем, лук и стрела; но начало очень искажено, а предпоследняя строка непонятна. А вот этот текст XVIII ст.

5.

Молодчик, молодчик молодой,
Поживем, душа, в верности со мной!
Ах, я верный, любезный с тобой,
Неразлучная любовь наша с тобой.
Хочешь, лапушка, иного полюбить. -
Я по истинной по правде побожусь:
Едного тебя молодчика люблю,
И не мало в том здоровьице гублю,
Мне здоровьице на ум-разум неидет,
Мил-сердечный друг в уме моем живет.
"Он по горинке похаживает,
Он тугой лук натягивает,
Калину стрелу направливает,
Он стреле приговаривает:
"Полети, моя каленая стрела,
Выше лесу по поднебесью!
Ты убей, убей, каленая стрела,
Серу утицу на Волге на реке,
Сизаго голубя на каменной стене,
Красну девицу в высоком терему.
Красна девушка - забавушка моя,
Сизый голубь - запотока моя (?),
Серая утица - невеста моя".

Вариант для этой замечательной песни, одной из самых поэтических по современному тексту, несмотря на его искажения, особенно в конце, - встречается в ст. г. Григорьева: Р. н. песни, 0.3.1860 г. N IV, стр. 476. Окончание там:

Сера утица - ества моя,
Красна девица - невеста моя,
Сизый голубь - забавушка моя,
Добрый молодец - досадушка моя.

Тоже у Якушкина, стр. 151.

6.

На песку, на камушку,
На крутом на бережку,
Селезень косицы вьет,
Утешка полощется.
Девушка хороится,
Белится, румянится.
Бояре дивятся,
Господа завидуют.
Не завидуйте, бояре,
Не дивуйтесь, господа,
Моему хорошеству;
Я своим хорошеством
Батюшку состарила,
Без ума поставила,
Без ума - без разума,
Без великой памяти,
Тихими походами,
Низкими поклонами,
Резвыми поговорами.

7.

Шла Машинька лесиком,
Красавица темным,
Растемным лесиком.
Почудилось девушке,
Что в лесике шумит;
Как шумит ли в нем, гремит
Березонька белая,
Белая, кудрявая,
Развеселая - стояла
В сыром бору-долу,
Как на эту на березку
Слетались пташечки,
Две горьких кукушечки;
Кукуют - горюют
По милом дружке,
По милом дружке
В теплом гнездышке,
Что в сыром бору-долу
Раным рано расцвело.
Порошенька выпала,
Меня мати родила,

Из твоей я алоей крови
Пива пьяна наварю;
Из твоих из глаз-очей
Пару рюмочек солью.
Всех подружек созову,
А твою меньшу-сноху
Против себя посажу.
А твоя меньша-сноха
Зла-досадлива была,
Дверью хлопнула, ушла".

Зап. в Самаре.

Для этой замечательной песни есть прекрасный вариант в сборнике г. Костомарова (стр. 24. № 9); вот окончание его:

Посажаю я подруженек на лавочку,
Сама сяду молода на кроватушку:
Загадаю вам, подруженьки, загадочку,
А загадочку, подруженьки, неотгадливую:
Я на милом сижу, на милого гляжу,
Стоит милый предо мной белой сальной свечей,
Милый в свечке горит, милый в печке сидит,
Я из мила наливаю, в милом я подношу,
Дружком подчиваю...

Относя эту песню к глубокой древности, г. Костомаров сравнивает ее содержание с греческими мифами Атрея и Тиеста, Пелопса, Прокны и Филомены. Он приводит то место из Метаморфоз Овидия, где Прокна, мстя за сестру, угощает мужа мясом сына своего, - и говорит ей муж: "Приведите его ко мне, моего любимого сына!" - И не скрывает более жестокой радости Прокна, и, желая поведать ему все его горе, говорит: он с тобой, кого ты зовешь... А он оглядывается...

У Якушкина, стр. 108; зап. в
Малоархан. уезде Орловской губ. Вариант
его гораздо короче Самарского и
Саратовского.

11.

Со восточной со сторонушки,
С петербургской славной со дороженьки,
Пишет миленький ко мне грамотку:
"Не сиди, девушка, долго вечером,
Долго вечером, до полуночи,
До полуночи, до белой зари!"

Ты не жги, не жги свечи сальные,
Ты не жди к себе - дорога гостя,
Дорога гостя, друга милого!"
На белом свetu ко мне мил пришел,
Не гостить пришел, не гоститися.
- Я пришел к тебе, моя лапушка,
Распроститесь, дложитеся:
Ты прикажешь ли, лапушка, женитися!
- Ах, ты, милый мой, ты, сердечный мой!
Ты возьми, возьми свой булатный нож,
Ты пронзи, пронзи мою белу грудь;
Распори мое ретиво сердце,
Ты женись тогда, разбессовестный;
Ты возьми мою подруженьку,
Свою прежнюю полюбовницу!"

У Якушкина, стр. 176.

12.

Как по лугу, по лужечку
Вода соливат,
По зеленому лужечку
Золота струя бежит;
Что и струинька за струинькой -
Белой лебедь плывет,
Что белая-то лебедка -
Красна девица душа,
Что и серый селезень -
Добрый молодец;
Что увидит девка молодца,
Обрадуется;
В белом-то лице
Кровь появится.

13.

Во саду ли, в огороде
Девица гуляя,
Невеличка, круглоличка, .
Румяное лицико.
За ней ходит, за ней бродит
Удалой молодчик;
Он и ходит, он и носит
Дороги подарки -
Дорогие те подарки -
Кумачи, китайки.
"Кумачу я не хочу,
Китайки не надо,
Принеси, моя надежда,
Алаго гризету,

На две шубки, на две юбки,
На две телогрейки,
Чтоб не стыдно было девке
На улицу выйти.
Перешей, моя надежа,
В немецкое платье.
Благодарствую, молодчик,
Снабдил ты девицу.
Я пойду ли молоденька
В торг торговати,
Что во торг ли торговати,
На рынок гуляти;
Я куплю млада-младенька
Пахучия мяты!
Посажу ли эту мяту
Подле своей хаты.
Не топчи, бел-кудреватый,
Пахучия мяты:
Я не для тебя сажала,
Водой поливала;
Для кого я поливала,
Того обнимала".

(См. нотные прил.)

14.

Цвели, цвели в поле цветики да поблекли.
Любил парень девушку, любил да покинул,
Покинувши, в глаза надсмеялся.
"Ты не смейся, добрый молодец, над красной девицей,
Я сама-то, сама - отсмею тебе насмешку!"
По городу по Саратову девушка гуляла,
Гербовый лист-листочек закупала,
На мила-то дружка просьбу подавала
Астраханскому губернатору.
"Ах ты, батюшка, губернатор,
Рассуди ты наше дело;
Не рассудишь наше дело -
Дойду до синоду".
- Ах ты, глупая, нерасумная, красна девица!
Без поры-то без времени солнце не взойдет,
Без привета молодец не зайдет.

у Якушкина два варианта, стр. 118 и
119. Первый сохранился гораздо полнее и
лучше из всех трех текстов песни.

15.

Подуй, подуй, погодушка, холодненькая,
Раздуй, раздуй, погодушка, калинушку в саду,
Калину с малинушкой, лазоревый цвет,
Широкой дороженькой, где миленький шел;
Веселой компаньицей*, где миленький пьет,
Он пить не пьет, голубчик мой, за мной младой шлет.
А я, млада-младешенька, замешкалася,
За утками, за гусями, за лебедями,
За вольной за пташечкой за журонькою.
Журавонька младенький по брежку шел,
Шелковую травушку пощипывает,
Холодной речной водой прихлебывает,
За реченьку за быструю поглядывает.
За реченькой за быстрой слободка стоит,
Слободушка не малая четыре двора,
В этих-то во двориках по кумушке есть.
Вы, кумушки-голубушки, подружки мои!
Кумитеся, любитеся - любите меня!
Пойдете в зелен садик, возьмите меня,
Вы будете цветы срывать, нарвите и мне,
Вы будете венки свивать, завейте и мне...
Пойдете ль вы к Шуман речке, возьмите меня,
Шуман речка невеличка, круты берега;
Из этого из бережка песок высыпал:
На том на лесочке лесок вырастал,
А из того ли из лесу зайчик выбегал,
Младешенек, белешенек, как снегу комок.

У Якушкина, стр. 182.
Ставр. уез., в с. Хрящевке.

16.

Не ясен сокол со тепла гнезда солетает,
Добрый молодец с квартирушки домой съезжает.
"Я любил на тебе, квартишка, три зимушки зимовать,
Три веснушки весновати.
Ты прощай, моя милая квартира, милая хозяйка!
Никто меня, добра молодца, никто не проводит!
Провожали молодца все чужие люди, -
Все красивые девки".

17.

Казаченъко молодой -
Недавно расстался
С Сашенькой своей; (С невестой своей. В.)
Стал он расставаться
Три слова сказал: (Ручьем слезы лил)
"Вспомяни, моя милая,

Меня на войне,
Пиши, дорогая,
Письмецы ко мне!
Перво написала,
Здорова была;
Второ написала,
Очень я больна; (Сделалась больна)
Третье написала,
Вскоре померла.
Мил всходит в конюшню,
Берет он коня;
Накладывает седельцо,
Ножки в струмена,
Плеткой приударил,
Птичкой возвился.
Большую дорожку
Сосной устилал;
Широко подворье
Песком засыпал.
На крылечко всходит -
В трауре стоят;
В горницу всходит,
В новенькую,
Увидал он милую
Свою в гробу. (В белым гробу. В.)
Руками всплеснулся,
Пал на белу грудь:
“Уж ты мать ли, мать моя,
Сырая земля,
Приняла ты милую,
Прими и меня!...”

Один вар. зап. Сам. уез., в Кондурчах.

18.

Как по морю, по моречку
Черный корабль плывет;
Гостиный сын Василий
По кораблю идет.
В звончатые гусельцы
Поигрывает;
Подает он голосок
Саше милой в теремок,
Чтобы милая моя
Не дремала, не спала,
Не дремала, не спала,
Дорога гостя ждала;
Дорога дружка, дружечка,
Дружка милиньского.
Как и солнце на закате,

Светел месяц взошел;
Гостиный сын Василий
За охотою пошел,
За охотою такой
За девичьей красотой;
Увидала из окна
Его маменька родна:
“Полно, полно, сын Василий,
Ты дурачить перестань,
Прочь от девицы отстань!”
- Сударыня, мила мать,
Тебе меня не унять
За реку ходить гулять,
Мне за реченьку
Ходить-ли ходить,
У майора дочь Сашурынку
Любить-ли любить.
У майора дочь Сашура
Она очень хороша;
Как сидела у окна
У коящетаго,
Буйну голову чесала,
Русу косынку плела,
Русу косынку плела,
К себе милаго ждала.

Якушкина стр. 208, зап. в Холмогорах, и
другой вариант, очень близкий к этому
последнему, из Шенкурска, зап. г. Борисовым.

Песня, кажется, старая (гостиный сын, терем, гусли), но
очень подновлена.

Реки, быстрые протоки
Разливалися широко,
Потоплялися глубоко;
Оставался бережок -
Один зеленый лужок.
По лужку девки гуляли,
Красавицы цветы рвали,
Они рвали-порывали,
Два веночка совивали,
Совивали, сошлетали,
На головушку вздевали,
Сами себя украшали;
Вдоль по улице гуляли,
Итти домой приноzdали;
Отдохнуть под кустик сели.
Под ту пору, под тот час
Сам охотник наезжал,
Со добра коня слезал,

Коня к кусту привязал,
Сам к девушкам подбежал,
Хорошо девкам сказал.
Девка парня полюбила,
Потому лице открыла:
Ты гляди мое лицо!
Лице бело припотело,
Разгуляться захотело.
Сяду я на лавочку,
Возьму балалаечку,
Стану я играть,
Песни припевать:
Что хрящевские ребяты
Разжились очень богаты,
Разжились, разбылись,
Разбогателись,
В Казань город поступили,
Черны шляпы покупали,
Бархатками изувили,
Булавками изубили,
Чтобы девушки любили,
Нам подарочки носили,
Нам на шеи-то платочки,
А на ручки перстенечки.

Зап. Ставропольского уезда, в
с. Хрящевке.

Здесь, по-видимому, соединены две разные песни: не только содержание, но и самый размер дают право думать это. Второй мотив начинается со слов:

Пойду я во горенку,
Сяду я на лавочку...

Обе половины песни, судя по складу и рифме, принадлежат недавнему времени, и мало заключают в себе поэтических образов и звуков.

20.

Беленький денек проходит, ночка наступает,
Темна ночка наступает, милый присыпает,
Ко мне милый присыпает и сам приезжает,
Что на легких на дрожках ко мне под окошко,
Говорит со мной немножко об моем несчастьи,
Об моем большом несчастьи, все об нездоровье.
Как и я млада младенька
Тветно платье надевала, на двор выходила,
С милым говорила.

Зап. в Самаре.

21.

Из-за гор-горы
Едут мажуры.
Стук-бряк в колечко:
“Выди-ка, коханочка моя!
Дай коню воды!”
- Не могу я встать,
Коню воды дати:
Мати моя заказала,
Чтобы я с паном не гадала.
Матуси боюсь. -
“Матуси не бойся,
На мой конь садися!
Не поедем в чужой край,
В муранный дом”.

(См. нотные прил.)

Песня эта, подобно нескольким другим, в которых говорится о панах и талерах, конечно, занесена была колонистами из западных губерний, и может быть здесь уже переделана из польского или малороссийского на русский лад. В Бугульминском уезде есть несколько семейств шляхты, большую частью однодворцев. Такими же переделками надоменно признать несколько малороссийских мотивов, переложенных на великорусский язык, как напр.

Засвистали казаченки в походе с полуночи...

В сборнике Метлинского есть несколько примеров обратного перехода великорусских песен в малороссийские. К этому же роду относятся и следующие песни:

22.

Как на горке, на горе,
На высокой, на крутой,
Стоял новый кабачек,
Сосновенький чердачек.
Как по этим чердачке
Пьет голинький мужичек
Богачи дивятся,
На что он пируется.
Не дивуйтесь, богачи!
Шинкарочке заплачу:
Разменяю талера,
Куплю пива и вина.
Шинкарка, шинкарочка!
Поверь мне пивца, винца.

Верю, верю, младый пан,
На тебе синий кафтан,
За тебя дочку отдам.
Моя дочка Аночка
Распрекрасна кралечка;
В субботу помолвлена,
В воскресенье венчана.
Поехали к венцу,
Не сказались отцу;
Приехали от венца,
Спросили пивца, винца,
Стали пить - попивать,
Поименно называть:
Скажи, скажи, сладый пан,
Как по имени зовут?
Из мещан я мещанин,
По прозванию Карпов сын.
Скажи, скажи, млада панья,
Как по имени зовут?
Из мещан мещанка я,
По прозванию Карповна.
Поди, сестра, в монастырь
Замаливать тяжкий грех,
А я пойду в темный лес.

В Самаре.

23.

Засвистали казаченки во чистым поле,
Заплакала Марусенька свои ясны очи.
Не плачь, не плачь, Марусенька, мы возьмем с собою.
Мы возьмем тебя с собою, назовем сестрою,
Хоть сестрою не родною, женой молодою.
Мать сыночка провожала в дальнюю сторонку:
Поезжай-ка, мой сыночек, да не забавляйся,
Поскорее, мой сыночек, назад возвращайся.
Среди двора широкого конь его споткнулся.
Али ты, мой конь ретивый, невзгодушку чуешь?
Как убит был Пан-панковский у белого камня;
Приходида к нему панья-жена молодая.
Не я ль тебе, Пан-панковский, не я ль говорила:
Перестань ты, Пан-панковский, с Москвой воевати!
Московская - Расейская великая сила!

Поется переселенцами из Симбирска

24.

Об чем ты, Машенька, плачешь,
Об чем ты слезы льешь?
- Ах, как же мне не плакать,
И как слезы не лить?

Один-то был зеленый сад,
И тот стал посыхать;
Один-то был сердечный друг,
И тот стал забывать.
Пойду-то я, младешенька,
С горя погулять;
Не увижу ль я, несчастная,
Друга своего
Погляжу-то я, младешенька,
На четыре стороны,
Посмотрю я горькая
На зеленый сад:
Там сидит соловушек,
Громким голосом поет:
Не мой ли размиленъкий
В чужой стороне.
Возьму я несчастная
В руки пистолет,
Прострелю несчастная
Белу грудь себе.
Тогда мне девушке
Сердцу легче будет:
Положут несчастную
В гробову доску,
Закроют несчастную
Белым полотном.
Опустят младешеньку
Во сырь землю,
И никто об девушке
Не станет тужить.
Вспомнит мой размиленъкий
Обо мне младой;
Придет на могилу он
Проститься со мной.

25.

Красота ли, красота,
Молодецка простота!
Присущила девчоночка
Удалаго молодца;
Она вынула румяны
Из его бела лица.
Пойду с горя в чисто поле,
Во зеленые луга,
Я разлью* грусть-тоску
По зеленому лужку,
Ты расти-расти, кручинা,
Вырастай, моя печаль!**

* Разгуляю. Варшант.

** Вырастай, горе-печаль. Вар.

Ты не сохни, ты не вяни,
Ты цветами расцветай!
В саду много вишни,
Винограду с грушею.
Виноград растет на ветке,
Соловушек поет в клетке,
А я слушал, пернимал,
Под кустом сидел-дремал;
Из-под кустика пошел,
В высок терем зашел,
Дивовался я тому,
Никого нет в терему;
Много зеркал и картин,
А я молодец один.
Я садился молодец
На тесовую кровать,
Стал я плакать-горевать:
Красота ли, красота,
Молодецка простота!
Присущила русы кудри
К буйной голове,
Что заставила шататься
По чужой стороне,
Как заставила любить
Чужемужнюю жену.
Чужемужняя жена -
Полынь-горькая трава.
Канарайка-пташечка*
Примотала крылышки,
По полю летаючи,
Сокола искаючи.
Твой-от сокол-соколец,
Удалой он молодец,
Он сманил-сманил девицу
Из иного города.
Стосковалася девица,
В горнице сидючи;
Она стала шить-кроить
Белый браный положек.
Мне не спать молодцу
В белом браном положку,
Только спать мне молодцу
В легкой лодке на носу.

Здесь, по-видимому, соединено несколько мотивов так, что местами старинные звуки народной песни мешаются с новыми, которые напоминают лакейские или фабричные романы. Окончание ср. с N 31.

Один вар. зап. Николаевского уез. в слободе Порубежке.
Другой в самом Николаевске.

26.

Где ты, голубь, вечер был,
Где ты сизый, побывал?
У голубушки в гостях,
У сизенькой на вестях;
Я на левом крыле спал,
Сверху правым обнимал.
Как проснулся по утру,
Голубушки со мной нет:
Улетела на тот свет;
Я пущуся за ней вслед;
Взвольюсь-голубь-высоко,
Опушуся далеко;
Сяду бедный на гору,
Погляжу я под гору:
Под горой песок лежит,
Свежий ключик там бежит,
И убитая, в крови,
Здесь голубушка лежит.
Знаю, знаю, кто убил,
Кто душеньку погубил.
Из дворовых людей,
Из высока терема,
Из косящата окна,
Из ружья лакей стрелял,
Он в голубушку попал,
Он сизую погубил.

Варианты:

Что нерадошно ты, голубь,
Голубь, по полю леташь,
Нерадошно воспеваш?
- Чему радоваться мне?
Вечор поздно в вечеру,
Во втором ночи часу,
У голубки в гостях был,
Сладку водочку я пил,
На правом крыле я спал,
Сверху левым обнимал.
Как проснулся на заре,
Пробудился на белой;
Голубушки со мной нет...

* По народному выговору Вост. России "кинарайка".

27.

Как над речкой, над рекой
Светит месяц молодой.
Над рекой девка стоит,
Слезно плачет, говорит:
На травоньке не роса,
Это - девичья слеза.
В темном лесе в тишине
Соловей громко поет.
“Соловой, мой соловей,
Голосистый, молодой!
Отыщи, где мой милой!
Ему жалобно пропой,
Ты скажи-ко про меня,
Как ему была верна”.
- Красна девица-душа,
Разгрущу верно тебя:
В темном лесе под кустом
Гроб уставлен со крестом.

28.

Несчастненький мальчик,
Все горе терплю.
Сушу, крушу сердце,
Не знай для кого,
Верно для того,
Кого я люблю.
Любовь разлучает
С милым далеко,
Далеко, не близко,
Меж гор высоко.
Там снежки глыбоки,
Ветер холoden,
С той сторонки воздух -
Приятен несет:
Выду ль я молодчик
На красен крылец,
Велю заложить я
Троечку лихих,
Троечку лихиих,
Коней вороных,
Сам сяду в коляску,
Сам я покачусь,
Дойду до нее я,
Спросу я ее:
Скажи, размилая,
Любишь али нет?
Если меня любишь,
Возьму за себя,

Если ты не любишь,
Убью сам себя!

29.

Ой зеленое мое виноградье!
Что хорош пригож милый ненаглядный,
Ненаглядная ягодка родилась.
Всходил светел месяц не высоко,
Провожала я своего дружка недалеко,
За новые ворота, за огороды,
За широкие прогулки, закоулки.
Я немножко с милым дружком постояла.
Как и вешний денечник, весь денечик,
А осеннюю ночку до светочки.
Уж я все про все с милым говорила
Про единое словечушко забыла;
Позабыла своему дружку приказати:
Не женися, мой милый друг, не женися,
Хоть женися, мой милый, не ошибися,
Не бери старую бабу вдовую!
Ведь у вдовушки обычай не девичий.
Как постелюшку ли стелет, слезно плачет,
А вз головье воскидает, все рыдает;
Она прежнюю ладу вспоминает:
“Ой ты, свет, моя ладушка первая!
Ничего я за тобой, лада, не знаявала,
Я и мягкой постели не стилала,
Я высокого вз головья не вскидала”.

30.

У нас по улице, у нас по широкой,
У нас по мураве, у нас по зеленоей
Не молодка играла, молодая плясала;
Играла, плясала, таночки водила,
Башмачки разбила.
Увидел ее свекор, увидел ее лютый:
“Потише, невестка, потише, голубка,
Сноха молодая,
Не сшиби, невестка, с башмачка каблучка,
С каблучка гвоздочка”.
- Не рви тебя, свекор, не рви тебя, лютый,
На игру ли глядя, на мое веселье;
Не ты покупаешь, не ты снаряжаешь;
Купил мне-ка батюшка, снарядил мой братец,
Себе на честь-славу, а мне на покрасу,
Молодому человеку до самого веку.

31.

У ворот девка стоит,
Лице белое горит.
Калина, малина,
Малинушка моя.
Сама плачет - говорит:
На что миленький сердит?
Калина, малина...

У кроватушки стоит,
Стлать постелью не велит;
Во зеленый сад манит:
Пойдем, Шаша*, во садок,
Сорвем розовый цветок,
Мы завяжем в узелок
Во батистовый платок;
Уж мы выйдем на лужок,
Сядем вместе под кусток.
Развернем-ка мы платок;
Мы развязем узелок,
Поглядим мы на цветок:
Уж и что-й-то за твяточик,
Что за аленъкий такой?
Он не сохнет, он не вяннет.
По мне милый не вспомяннет.
Я вечер своему милому
Русы кудри завила;
Я вила-таки вила,
Приговаривала,
Я наказывала:
Пойдешь, милый, на девищник, -
Не залеживайся!
На хороших, на пригожих
Не заглядывайся!
Как хороши да пригожи
Все насмешливья;
А коса да дрянная,
Вековещная твоя,
Вековещная твоя,
Да неразлучная твоя.

Ставроп. уез., в с. Хрещевке.

Припев после каждого двух строк; то же самое и в следующем варианте:

У ворот девка стоит,
Сама плачет - говорит,
Сама плачет - говорит:

* Простонародное вм. Саша.

Без милого скучно жить!
Уезжает моя радость
В чужедальную сторону.
На хороших - на пригожих
Не заглядывайся!
Калина, малина,
Малинушка моя.

(См. потные прил.)

32.

Ой горе, горе то, не орано поле,
Ой мука, мука та, не кошены луга.
Та найму я косарив семьдесят та еще четыри.
Косарики косят, витер новиава;
А где же мой милый-сердце, с кем вин размовляе?
Если с лучшею, помози ему Боже!
Если с худшею, розлучи его Боже!

Сам. уез. село Кондурчи; жители-переселенцы из Полтавской губ., Роменского уез., из села Хоружевки.

33.

Да вже сосид жыто сие,
У сосида зеление,
А у мене не сияно,
И на поля не орано.

У сосида хата била,
У сосида жинка мила,
А у мене ни хатынки,
Нема жинки, ни дитынки.

Там же.

34.

“За Кубань иду,
Гэй, коню, мий коню,
Заграй пидо мною!
Дивчино, прощай!” 2.
- За Кубань идэшь,
Мэнэ покидаешь,
Чого ж там, козаченко, Чого ж там, козаченко,
Чого там шукаешь? - 2.
“Я иду туда,
Дэ роблять на диво
Червоное пиво
З крови сопостат”. 2.
- Уж тоби, козаченько,
Видтиль нэ вртаться,
Там тоби, козаченько,
Там и оставаться. - 2.

“Дивчино, нэ плачь,
Нэ рви мого сэрця,
Як рок сий минеться,
Прииду опять”.
- Як явор зэлений
Головоньку склоне,
Зузуля кукукнэ, дуброва застогне,
Тоды уж, мой милый, не будэ тэбэ. -
“Як ворон в викно
До тэбэ закряче,
Из-за гор прискаче
Козаченъко твий”.

Запис. там же.

35.

Диду миду дорыну,
Тыж було селом идешь,
Ты ж було в дуду граешь;
Тэперь тэбэ не мае,
Твоя дуда не грае,
Пышыки остался,
Чорт зна, кому досталыся.

36.

А в сусида у Ивана
Хата била, жинка гарна,
Нижки билы, невельччики,
Носык жовтый - черевички;
А у мене хате чорна,
Жинка брытка, немоторна,
Усе спыть та лэжить,
Не хоче вона робыть.
Скажешь: “Гапко, встань раненько,
Прибери всэ хорошенъко!”
Вона й слухать не хоче,
Та як видьма сокоче,
Притулывшись до куточка,
Тай сопэ бисова дочка.
У сусида у Ивана
На обид борщ та сметана,
Та все в мысах оловьяных,
А у мэнэ у боки
Насувае кулаки.
Як пиде у вечерныци,
Та заграе на скрыпици,
Вона грае и тонцуе,
З москалями все жартуе...

Что ты, сердце, болиши, ноешь?
Ничего, сердце, не скажешь: -
Ни радости, ни печали?
Не у места садик вырос,
В чистом поле при долине,
При зеленої луговине.
Я не знаю, как и быть,
Я не знаю, чем полить.
Я полью садик съятою,
Что съятою медяною;
Я не знаю, как и быть,
Что куда мне дочь отдать?
Замуж дочку отдавала,
Фатой покрываля.

38.

Как брат сестру нежит,
По головке гладит:
- Сестрица родная,
Расти поскорее!
Вырастешь велика,
Отдам тебя замуж -
В другую деревню,
В несоветну семью,
Где бъются, дерутся,
За волосы берутся.
Куда я поеду,
К сестрице заеду:
“Здорова, сестрица,
Здорова, родная!”
“Родимый мой братец,
Не больно здорова.
Дубовые двери
Всю ночь проскрипели,
Шелковая плетка
Всю ночь проскрипела
Об мое тело бело.
Как с вечеру тело
Как снег было бело,
А к утру то тело
Как котел посинело”.

39.

Как жила-была вдовушка-вдова,
Как у той ли у вдовы было три дочери:

Уж отдали я первую дочь - за боярина,
 Я вторую дочь отдаю за крестьянина,
 А как третью-то дочь за татарина.
 Пишет письмо что любимая дочь:
 "Ах, любимая моя матушка!
 У мово-то мужа во всю ноченьку,
 Во всю ноченьку все огни горят,
 На мое ли тело белое
 Все куют прутья медные".
 Уж как пишет середняя дочь:
 "Ты, любимая моя матушка!
 У мово-то ли мужа во всю ноченьку,
 Во всю ноченьку да все огни горят,
 Как и ткуют и шьют платья бархатные
 На мое ли тело белое,
 На мое ли тело нежное".
 Пишет мне меньшая дочь:
 "Ах, любимая моя матушка!
 У мово-то ли мужа во всю ноченьку,
 Во всю ноченьку темную, осеннюю,
 Осеннюю, да ночку долгую, все огни горят;
 Уж на то ли мое тело белое
 Они ткуют и шьют золоты парчи".

Поют переселенцы из Нижнего.

Срав. у Якушкина песню, записанную в Орловской губ., "у отца, у матери, Зародились три дочери". 115. Вместо боярина, крестьянина и татарина тут те же роли играют татарин с плетями шелковыми, подъячий с золотыми перстнями и посадский с платьями шелковыми. В этой перестановке трудно определить смысл каждой черты и отношение их к взгляду народа на сословия.

40.

Отдают меня младу
 Что за Волгу за реку,
 В чужую деревню,
 В несоветну семью:
 Еще свекровь да свекровь,
 Семеро деревьев,
 Три золовушки,
 Да две тетушки.
 Как и свекор говорит:
 "К нам медведицу ведут";
 А свекровь-то говорит:
 "Надоедницу ведут".
 Деверья говорят:

"К нам непряху ведут",
 А золовки говорят:
 "К нам неткаху ведет".
 А две тетушки сидят,
 Все про тоже говорят.
 Свекор-батюшка!
 Свекровь-матушка!
 Вы позвольте мне
 По избе пройти,
 Ногой топнуть,
 Слово вымолвить,
 Как медведица-та
 Во темном лесу,
 Надоедница-та
 Свекровь-мачеха.
 Деверья, вы, соколы,
 У вас жены таковы.
 Вы, золовушки,
 Вам самим замуж идти.
 А вы, тетушки,
 Вы, голубушки!
 Я поставлю за порог,
 Да в три шеи до ворот!
 Муж на лавке сидит,
 На жену косо глядит.
 Не косись на меня,
 Не боюсь я тебя.
 Муж руку отвел,
 По щеке жену оплел;
 Жена руку отвела,
 По всей роже оплела.

Поют переселенцы из Оренбургской губ.

У Якушкина, стр. 143. Замечательная энергия, с которой выражается здесь протест против насилия и неприязни чужой семьи, неприветливой для молодой жены.

41.

Вдоль по улице,
 Вдоль по широкой,
 Идут девушки
 И молодушки,
 А мечя-младу -
 Все с собой зовут.
 Вы постойте-ка,
 Подождите-ка!
 Я пойду - спрошусь
 Свекра-батюшки.

“Отпусти гулять,
Свекор-батюшко!”
- Я гулять пущу,
Шкуру до пят спущу. -
Шкура волочится,
Гулять хочется.
Я украдуся,
Нагуляясь,
С милым дружком
Повидаюся.

У Сах., стр. 32 № 16.

42.

Не сон мою головушку клонит,
Не дрема качает;
Хмелинушка в головушке бродит,
Да вон не выходит.
Пойду я млада долом-долиною;
Навстречу мне казак молоденек.
Спроси, спрошу казачка молодого!
Куды эта дороженька пала,
Куды пала, куды пролегала?
Али в лес, али в чисто поле?
В чистом поле белоярова пшеничка,
На кусточеке соловушек свищет.
Меня свекор домой кличет.
Хоть кличь - не кличь, я к тебе не буду!
Если буду, тебя не забуду.

Буз. уезд. в. Зуевки на Воронеж. губ.

У Икушкина, стр. 140:

“Не хмель мою головушку клонит...
Хоть кличь, не кличь, я домой не буду!
Буду ль, нет ли, я завтра поутру”

43.

Как у баушки у Варварушки
Солучилася пир-беседушка;
Сидят гости - люди добрые,
Честны-хвальны попадеюшки,
Честней того красны девушки.
А постылый муж впереди сидит!
Мой-то миленький на скамейчке
По конец стола напротив меня!
Уж мы смигнемся, мы улыбнемся,
А постылый муж догадается,
Он из пиру вон подымается,

Меня-молоду - за рукав тащит,
За тоненький, за ольяненъкий,
Как по улице мимо кузницы.
Во той кузнице два кузнеца,
Что куют они, принаравливают,
Все чужих жен приговаривают:
Как чужая-то жена ровно мед хороша,
А моя-то жена ровно щут водяной.

У Костомарова, стр. 54, № 33.

44.

Чужи жены - лапушки,
Белые лебедушки,
А моя шельма-жена -
Полынь-горькая трава,
Неурядливая,
Недагадливая:
Три дня печку не топила,
Всю неделю не мела,
Много сору набрала
Под судные лавки,
Под красна окошка.
На мое безрядье
Приехали гости,
Взяли все по горсти;
Одна гостья умная,
Умная-разумная,
К полу припадала,
Сору нагребала.
Выходу ль я во сени,
Выходу ль во новыя,
Ударю в ладони.
“Свекор, свекор-батюшка!
Свекровушка-матушка!
Пожалуйте санок,
Да пару лошадок!”
- Невестушка-любушка,
Белая лебедушка!
У нас так не водится,
В санях сор не возится:
У нас-то ведется -
Веничком метется.

Поется переселенцами из Симбирской
губ. (См. нотные прил.)

45.

Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, лучинушка, неясно горишь!

9-2132

Неясно горишь, не вспыхиваешь?
Али ты, лучинушка, в печи не была,
В печи не была, не высущена?
Я была в печи вчерашиней ночи:
Лютая свекровушка в печку лазила,
Меня, горькую лучинушку, всее залила.
Девушки-подруженьки, ложитесь спать,
Ложитесь спать, нам некого ждать,
А мне, молодешеньке, всю ночку не спать,
Всю ночку не спать - мила друга ждать...

Зап. в Николаевске.

46.

Накачалась на меня зла-лиха жена;
Не продать мне жену, не в заклад отдать.
Я пойду с горя на сине море,
Уж куплю ли я там корабль новенький,
Обобью мой корабль алым бархатом,
Обувью мои снасти крупным жемчугом,
Посажу ли я жену, жену-барыню;
Как найду ли я гребцов, гребцов-молодцев;
А гребцы-то гребут, как крылом машут,
А корабль-то плывет, как стрела летит,
А жена-то плачет, как река льется.
Ты жена ли моя, жена-барыня,
Как хозяин твой на полатах лежит,
Через бруст-то он все в окно глядит:
Ты, жена ль моя, жена-барыня,
Ты поди ко мне, погляди в окно:
У меня ли все гости сидят.

47.

Я по бережку хожу, хожу,
Я на быструю гляжу, гляжу;
Меня реченька топить хочет...
Немилый муж - журит, бранит,
Журит, бранит, постричся велит.
- Постригись, моя немилая,
Ты посхимься, распостылая!
За пострижене дам сто рублей,
За посхиление дам тысячу.
Я поставлю тебе келейку -
Что новехоньку, малехоньку,
Во оградушку окошками,
Во зеленый сад - красным крыльцом,
И накрою черным бархатом,
Развешу цветами алыми!
Мимо келейки старцы ехали,

Старцы ехали перехожие,
Перехожие, переезжие,
Моей келейке дивовались.
- Уж и что это за келейка,
Что во келейке за старишка,
За молоденька монашенка,
Что во келье за монашенка?
Молодехонька пострижена,
Что пострижена, посхимлена;
За какой грех Богу молится,
За великий, знать, спасается?..
- Ах вы, старцы перехожие,
Перехожие, переезжие,
Неразумные, недогадливы!
Вы спросите, разузнайте-ка?...
Да уж, Бог с тобой, немилый муж!...
На роду мне так написано!

В сборнике Сарат. песен г. Костомарова, стр. 29. Такое невольное пострижение было делом обыкновенным в русской семье до XVIII ст., как свидетельствует об этом Котошихин в главе "О житии бояр, и думных, и ближних, и иных чинов людей". Жених знал о своей невесте только по записи о приданом да по рассказам какой-нибудь родственницы или знакомой; когда же после свадьбы случалось, что она была нехороша, то он бил и мучил и всячески принуждал постричься. "А иные мужья и жены многоного того чинят, велят отправами отравити".

48.

Вы придите, девушки, ко мне, подумайте обо мне,
Подумайте обо мне, о несчастной моей голове.
Я не знаю, как, девушки, быть - без милого друга жить:
Нападает грусть-тоска, кручинушка велика.
Я кручину-горе все терпела, теперь буду с милым жить,
Одного буду любить; мне неволюшка велит,
Мне неволи-печаль-горе, чужедальна сторона.
На чужой-дальной сторонке муж удалая живет голова,
Муж удалая живет голова, пьет, гуляет завсегда,
Пьет-гуляет сам поры не знает, без времени, без поры,
Без времени, без поры, выпить до белой до зари.

Зап. в Николаевске, Сам. губ.

49.

Во горнице, во светлице
Лежат доски тонки-хлестки.

Я по тем доскам ходила,
Я ходила и гуляла.
На одну доску ступила,
Тоё доску перломила,
За то меня свекор журил,
Журил-бранил не за дело,
За игру мою, за пляску,
Что млада игрелива,
Игрелива и шутлива.

50.

Как на дубчике два голубчика сидят,
Промежду себя воркуют-говорят
Как про доброго молодца,
Про Матвея про Петровича:
Он и с тысячи на тысячу ступал,
Ассигнацией дорогу устигал,
Сиротушек из неволи выкупал:
Вы подите, сиротинушки, домой,
Помолитесь вы Богу за меня,
Как за доброго молодца.

У Сах., стр. 118, № 40.
(См. нотные прил.)

III.

Хороводные и обрядовые песни заключают в себе много остатков старины. Было время, когда они соединялись с религиозными обрядами, как хоры у греков; то теперь религиозное значение их давно утратилось, и трудно его определить. Тем не менее в этих песнях слышится нам память о Дунае, о синем море, о боярах, о коляде и авсене, о купале и морене. В них же рисуется и семейная жизнь. Вообще эти песни очень разнообразны по своему содержанию, и часто песня должна быть поставлена в отделе хороводных только потому, что ее поют в хороводе. К хороводным же отнес я и несколько святочных игральных песен.

Я не поместил здесь таких песен, которые поются везде и встречаются во всех сборниках, напр.: Уж я золото хороню, Вокруг я города хожу, Подушка-подушечка, Венчик и т. п., так же точно как в предыдущем отделе пропущены мной: Как на матушке на Неве-реке, Я вечер млада во пиру была, По улице мостовой, Вокруг я келейки хожу, и тому подобные песни, слишком известные каждому.

1.

У ворот, ворот, ворот,
Ворот батюшкиных,
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Разыгралися ребята,
Распотешились.
Дунай, мой Дунай,
Веселый Дунай!
Еще мне, молодцу,
Нездоровится.

Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 Нездоровится,
 Гулять хочется.
 Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 Я украдуся,
 Да нагуляуся.
 Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 Я сапожки на ножки,
 Смур кафтанчик на плеча.
 Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 И гудочик под полой,
 Под правою стороной.
 Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 Вдоль по улице прошел,
 В хоровод к девкам зашел.
 Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 В хоровод к девкам зашел,
 На скамейку сел.
 Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 На скамью, скамью, скамью,
 На дубовеньку.
 Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 Я ударю во струну,
 Во серебряную.
 Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 Вы послушайте, ребята,
 Что струна-то говорит.
 Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 Что струна-то говорит,
 Мне жениться велит.
 Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 Мне жениться, разориться,
 Стару бабу взять.
 Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 Стару бабу взять -
 На печи ее держать.
 Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 Киселем ее кормить,
 Молоком ее поить,

Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!
 С киселя - весела,
 С молока - молода!
 Дунай, мой Дунай,
 Веселый Дунай!*

Вариант этой песни почти без всяких перемен, только с некоторыми пропусками.

2.

Уж как звали молодца,
 Позывали молодца.
 Ты, Дунай ли, мой Дунай,
 Сын Иванович Дунай.
 Позывали молодца
 За реку к мужику,
 За реку пиво пить,
 На игрище играть.
 Уж как тот ли молодец
 Стал отнекиваться,
 Стал отнекиваться,
 Отговариваться:
 Мне и не с кем, мне и не в чем,
 Право не от кого!
 Только есть у меня
 Двое верных слуг.
 Вы берите-ка ключи,
 Опиряйте сундуки;
 Вынимай кафтан
 Ало-бархатный.
 Вынимай шапку
 Черноморскую,
 Вынимай сапоги
 Черно-бархатны.
 Как пошел молодец
 За реку к мужику,
 За реку пиво пить,
 На игрище играть,
 Посадили молодца
 Против ворвего лица;
 Уронил он свою шапку
 Черноморевую**:

* Красную девку замуж взять -
 В терему ее держать,
 Чаем-кофеем поить
 И конфетами кормить.

** Парень вдовушке поклон,
 Пухова шляпа долой. Вариант.

Ох ты, вдовушка, вдова,
Подымы шапку мою.
Не твоя, сударь, слуга,
Я не слушаю тебя.
..... (песня опять поется сначала).

Посадили молодца
Против девичья лица,
Уронил он свою шапку
Черноморевую:
Ох ты, девица-душа,
Ты подай шапку мою,
Черноморевую.
Я твоя, сударь, слуга,
Я послушаю тебя.

Ох Дунай, ты, мой Дунай,
Сын Иванович Дунай!

Хороводная песня едва ли не общая для всей Великой России; но начало ее представляет вариант, которого нам не случалось слышать в других губерниях.

3.

Как у наших у ворот (2).
Ай люли - у ворот (2).
Стоял девок хоровод (2).
Ай люли - хоровод (2).
Молодушек табунок...
Меня девки кликали,
Молодушки манили.
Ходит свекор по двору,
Расчесавши бороду:
“Поди, сноха, погуляй!”
С ребятами поиграй!”
Хоша пустил, пригрозил:
“Гуляй, сноха, до поры,
До вечерней, до зари!”
Как зоринька занялась,
А я млада поднялась.
Подхожу я ко двору,
Ходит свекор по двору,
Растрепавши бороду.
“Свекор-батюшка, пусти!”
Свекор-батька не пущает...
“Милый ладушка, пусти!”
Он вороты отворил,
И меня младу пустил.

Поется пересел. из Нижнего Новгорода.
У Сах., стр. 44, N 53.

4.

По улице, по улице широкой,
По мураве, по мураве зеленои,
Летал голубь, летал сизой,
Со голубушкой,
У голубя у сизаго
Золотая голова,
У голубушки его
Позолоченая,
Посеребряная.
У кого ж у нас, братцы,
Молодая жена?

И молоденькая, и хорошенъкая?
У Федюшки молодая жена,
И молоденькая, и хорошенъкая.
Ему большие братья
Позавидовали.

Уж кабы, братец, это
Да моя была жена,
У водных руках была,
Одним рукам ручена;
Я б не был бы, не журил,
Я б белил, румян купил,
Я б белиться велел,
Румяниться приказал,
Еще хорошо ходить,
И хорошего любить,
А дурного не любить.
Ох, грубая, спесивая,
Федорова жена,
Она пешая к обедни
Не хаживала,
Она летним путем
На коляске едет.
А зимой студеной
Все на писаных санях,
На ямщицких лошадях,
Все с извозчиками.
Извозчики молодые,
В руках плетки шелковые,
Прихлесните, присвистните,
Ко этому ко двору,
До все к Федорову.
Федорушка господин
На крылечко выходил,
Таки речи говорил:
“Уж ты, женушка, жена,
Жена, барыня моя!
Ай где же ты была,
Где погуливала?”
- Я была ли, друг была,

Я у кумовой жены.
Уж я ела и пила
Как и мед, и вино;
Про твое, сударь, здоровье
Стакан меду выпила.
“Да спасибо те, жена,
Не забыла про меня”.
- Уж и как тебя забыть?
Не могу тебя избыть!

5.

Пойду ль я, выйду ль
В лес по малинушку;
Сорву ль я, вырву ль я
Винную ягодку.
Тали винна ягодка
Взяла младу - розняла.
Кинусь я, брошуся я
Ко батюшке на руки.
Мне не спится, не лежится
У батюшки на руках.
.....
Кинусь я, брошуся я
К матушке на руки.
Мне не спится, не лежится
У матушки на руках.
.....
Кинусь я, брошуся я
К милому на руки.
Мне и спится, и лежится
У милого на руках.

Поют переселенцы из Нижнего.

6.

Улица, улица, ты, широкая,
Мурава, мурава, ты зеленая!
Кому улицу разыграть будет?
Разыграть будет красной девушке
Свет Авдотьешке Филиппевной;
Ой, она у нас игреливая и щутливая.
Повела танок, у зела платок (т. е. взяла)
Танок вывела, платок кинула,
Слово молвила, бояр выслала.
Бояр-бояря, бояр-господа!
Выдьте вы сюда, станьте к стороне,
Станьте к стороне, все по-одали,
Разойдитесь, поклонитеся.
Родный батюшка с торгу едет;

2
1
3
2

Он с игры кличет, подарить хочет
Небольшим даром, вороным конем;
Седло ковано, обувшовано,
Плесть шелковая, сторублевая,
Авдотьешку - куньей шубою,
Свет Филиппевну бобром пущеною,
Бобром пущеною, наземь пущеною,
Все по травушке, по муравушке,
По муравушке по зеленою.

После каждого стиха припев: “ойля, оляли!”

Буз. уезда с. Зуевка.
Вар. в Р. Бес. 1860. 2. стр. 73.

7.

Ой на горе калина,
Под горою, мой миленький, малина.
Тут девушки гуляли,
Тут девушки, мой миленький, гуляли,
Хорошенький, гуляли,
Калинушку ломали,
Мой миленький, ломали,
В пучечки, хорошенький, вязали,
На дорожку, мой миленький, клали,
Два молодца брали,
Ты, молодчик молодой,
Возьми меня за себя,
Мой миленький, за себя,
Хорошенький, за себя,
Для забавы за себя.
Для забавы, мой миленький, за себя.
Хорошенький, за себя.
Изловлю я соловья,
Для забавы, мой миленький, для тебя.

Зап. в Николаевске.
(См. нотные прил.)

8.

Как по морю-морю синему,
По синему по хвалынскому,
Плынет лебедь с лебедкою,
Со малыми с лебедятами.
Где ни взялся млад ясен сокол;
Ушиб, убил лебедь белую.
Он кровь точил во сырь землю,
А пух пустил по синю морю.
Разнес перья по чисту полю.
Сбиралися красны девушки

В чисто поле брати перышки.
Брали перья красны девушки;
Мимо ехал добрый молодец.
“Бог на помочь, красна девица-душа,
Тебе брати легки перышки!”
Тут девица не склонилася,
Добру молодцу поклон не отдала;
Грозил парень красной девице-душе:
“Добро, девка, добро, красная,
Что быть тебе за мою головой,
Стоять тебе у кровати тесовой,
Знобить, девке, резвы ноженьки свои,
Слезить тебе очи ясные твои”. -
Тут девушка поклонилася:
“Я чаяла, что не ты, мой друг, идешь,
Не ты идешь, не ты кланяешься”.

Одна из любимых хороводных песен не только в Самарской губернии, но и во всей восточной России.

У Сах., стр. 32, № 17.

9.

Ой, матушка, тошно мне!
Сударыня, грустно мне!
Гулять воли нет нигде,
Ни в Питере, ни в Москве,
Ни в канторе, кабаке.
Канторушка заперта,
Сударушка гуляет.
Вошла, Богу помолилася,
И всем судьям поклонилася,
Своему дружку челом.
За дубовым за столом
Сидит писарь молодой;
Он и пишет два письма,
Государевы дела.
Где, сударушка, была?
Думал, думал молодец,
Как по улице пройти,
К хороводу подойти;
Подойду я к хороводу
Тихохонько;
Поклонюсь я красным девушкам
Низехонько.
Я по первую любовь
Девке на ногу ступлю,
По другую я любовь
За плечо девку хвачу.

Как у девушки плечо
Разгорелось горячо,
Разгорелось, разболелось,
Как калинушка красна,
Во сырому бору росла,
Не дозревши, та калинушка
Рассыпалася.
Что не жимши молодушка
Состарилася;
Состарилась молода
Без матери, без отца,
Без миленького дружка.
Уж и что это за друг,
Семерых любит вдруг,
А восьмую-то жену,
Девятую-то вдову,
Десятую солдатку!
У солдатки губы сладки,
У солдатки рядок прям,
Он и прям - кучеряв,
Под сараем ночевал,
Под кошмою почивал.

То же.

10.

Летели две птички,
Собой невелички.
Там лето, здесь зима.
Чернобровая моя!
Где они летели,
Все люди глядели,
Где они садились,
Все люди дивились.
Сели-посидели,
Взвились, полетели,
Взвились, полетели,
Песенки запели,
Пели-распевали
И нас потешали.

После каждой двух строк припев:

“Там лето, здесь зима.
Чернобровая моя!”

В другом варианте эта песня продолжается так:

Добрый молодец с женою
По горнице ходит;

Руку сожимает,
Душой называет,
Уж ты, душечка моя,
Роди сына сокола,
Лицем белым во себя,
И разумом в меня.
Отдадим мы сына
Грамоте учить,
Грамоте учить,
По-французски говоритъ,
Чтобы люди нам завидовали.

(Припев тот же).

Один вариант из с. Кондурчей
Самар. уезда, другой записан в Самаре
(См. нотные прил.)

11.

Я качу, качу золото кольцо,
Золото-вито колечко бриллиантовое;
За кольцом идет добрый молодец,
За собой ведет милу девицу.
Ты возьми ее за праву руку,
Проведи ее вдоль по горнице.
Подойди ты к ней да близехонько,
Поклонися ей ты низехонько,
Поцелуй ее ты милемонько.

12.

В саду яблонька стоит,
Соловей на ней сидит,
Громко песенки поет,
Вам спокою не дает.
К себе девицу зовет.
Где сойдемся - поклонимся,
Разойдемся - рас простимся.

13.

Калина, малина,
Черная смородина!
Что рано поломана,
В пучки повязана,
При пути покладена,
При большой дороженьке?
Большая дороженька,
Что торным торнешенька,
Колесом накачена,
Плеткою прихлыстнута,

Плеткою шелковою,
Ручкою тяжелою.
Кто, кто у нас ягодка,
Кто, кто у нас вишненка?
Ягодка Аринушка,
Вишненка Левоновна.
Сестрицы, подруженьки,
Что я вам за ягодка,
Что я вам за вишненка?
Ягодка в чистом поле,
Вишненка в зеленом саду.

Буз. уез. с. Зуевка.

14.

Ты Настасья, ты Настасья,
Отворяй-ка ворота!
Принимай-ка сокола!
А Настасья выходила,
За белы руки брала,
За белы руки брала,
В высок терем повела,
Как на стульчик посадила,
Графин водки подала,
Во бокальчик налиvala,
Милу другу поднесла.

Песня, очень любимая в Самаре между
мещанами.

15.

Ты Настасья, ты Настасья,
Отворяй-ка ворота, 2.
Ты пущай-ка сокола.

Ой да люли ой люли.
Я бы рада растворила,
Ветер болыно шибко бьет, 2
Сильным дождичком сечет.

Ой да люли ой люли.
С головушки цветы рвет,
С белой шеи янтари.

Ой да люли ой люли.
Ты зачем меня, сударушка,
Повысушила.

Ой да люли ой люли.
Без лютаго без морозу
Сердце вызносила.

Ой да люли ой люли.
Допустила сухоту
По моему животу.

Ой да люли ой люли.
Ты рассеяла печаль
По моим ясным очам.

Ой да люли ой люли.
Ты заставила, сударушка,
Гулять по ночам.
Ой да люли ой люли.

Вар. зап. в Николаевске.

16.

Ой в кусте, кусте во калиновом,
В другом кусте серебристиковом*,
Сидел соловей да с соловушкой,
Сидел молодой с молоденькою.
Соловеющко у нас Иванушка,
А молоденькой у нас Иванович!
А соловьюшка у нас Аннушка.
Ой, Иванушка убирается,
Ой, Иванович наряжается,
Во свою вотчину угосподчину.
Молодой жене приказывает:
"Молода жена, ты, Аннушка,
Накорми коня из коробочки (из корытечка, вар.),
Напой коня из ведерочки".
Ой, Аннушка не послушалась.
Дорофеевна понатурилась,
Кормила коня во тихих лугах,
Поила ворона в синем море;
Сине морюшко всколыхнулось,
Бела рыбница встрепыхалася,
А мой вороной конь он успрыгался,
Он успрыгался, из рук вырвался,
Порвал повода шелковинькие,
Поломал удила серебряные.
Ай Аннушка устрашилася,
Дорофеевна взгоревалася:
- Ой как-то мне быть,
Как ко двору притить,
Как свекру сказать?"

Буз. уезд, с. Зуевка.

17.

Ой лесы мои, лесы темные,
Перелески часто-дробные!
Не могу я вас пройти,
Все за селами за веселыми,
За боярскими за хоромами.
Как над нашими над воротами,

* Серебрика - шиповник.

Как над нашими над широкими,
Взошли, встали три месяца,
Три месяца, три ясные,
Все прекрасные:
Первый месяц у нас Иванушка,
Второй месяц у нас Григорьюшка,
Третий месяц у нас Никитушка,
То-то месяцы, то-то ясные,
Все прекрасные.

Взошли, встали три зорюшки,
Три ясныя, все прекрасныя:
Перва зорюшка у нас Дунюшка,
Втора зорюшка у нас Аринушка,
Третья зорюшка у нас Аксютушка.
То-то зорюшки, то-то ясные,
Все прекрасныя.

Там же.

18.

Что было по травушке по зеленой,
Вдоль по дороженьки по широкой,
Тут ходил-гулял удалой молодчик,
Вызывал девчоночку к себе за вороты:
"Поди-выйди, девушка, ко мне за вороты;
Выйди, красная, ко мне за новые,
Со мной с молодцем постояти,
С удалым словечко сказати!" -
Тут девушка к молодцу выходила,
С удалым речи говорила:
- Кажись, молодец, я тебя не любила,
При беседушке я тебя стыдила,
На тебе я синь кафтан замарала,
Сафьяны сапожки я в грязь тебе втоптала,
Пуховую шляпушку с головы я сшибла. -
Пошел молодец, сам заплакал:
- Пойду, матушке попеняю.
Уж ты матушка, моя мать родимая!
Ты, несчастного, меня спородила:
Меня девушки не любили,
При беседушке меня устыдили! -
Как по травушке да вдоль по муравке
Тут ходил-гулял удалой молодчик,
Вызывал он девушку за вороты:
- Выйди, девушка, ко мне за вороты
Со мной молодцем постояти! -
Тут девушка к молодцу выходила,
С удалым речи говорила:
- Как я теперь, миленький, тебя полюбила,
При беседушке я тебя хвалила,

На те синь кафтан вытирала,
Сафьянны сапожки вычищала,
Пуховую шляпушку на те поправляла.
Пошел молодец взвеселился:
- Спасибо те, матушка, мать родима!
Что ты меня счастлива спородила.
Меня девушки полюбили,
При беседушке меня похвалили,
На мне синь кафтан вытирали,
Сафьянны сапожки на мне начищали,
Пуховую шляпу поправляли.

После каждой строки припев: "Ай, люли, люшеньки!" с повторением последнего слова в строке.

19.

По камешкам быстра реченька течет.
По бережку добрый молодец идет.
Ох, ох, ох! по бережку добрый молодец идет.
Он в руках ворона коня ведет;
За молодцем красна девица идет.
Ох, ох, ох! за молодцем красна девица идет.
Уронил он черну шляпу с головы:
"Подними, моя ревнивая жена!"
- Мне поднять шляпы не хочется,
Покориться - на уме того нет.
Я пойду млада в зеленый сад гулять,
Спрошу-спрошу молодаго соловья:
Ты скажи-ко, мой солоушек,
Кому воля, кому волюшки нет!
Воля-воля красным девушкам,
Молодушкам три заботушки:
Как и первая заботушка -
Муж-удалая головушка;
А вторая-то заботушка -
Чужедальняя сторонушка;
А как третья-то заботушка -
Кропотливая свекровушка.
Ох, ох, ох! кропотливая свекровушка!

У Якушина, стр. 184. У Сах., стр. 33.
Новоузенского уез., слобода Савинка.

20.

Уж я селезня любила,
Я косатого любила,
Я чулки ему купила,
Люли-люли, селезень,
Люли-люли, молодой,
В белых шелковых чулках.

Уж я селезня любила,
Я косатого дарила,
Башмачки ему купила.
Люли-люли, селезень,
Люли-люли, молодой,
В белых шелковых чулках,
В сафьянных башмачках.

Начало куплета и весь припев каждый раз повторяются.

Я штаны ему купила.
В черных бархатных штанах.
Я кафтан ему купила.
Я камзол ему купила.
Люли-люли, селезень,
Люли, люли, молодой,
В белых шелковых чулках,
В сафьянных башмаках,
В черных бархатных штанах,
В кафтане, селезень,
В камзоле, селезень,
Пряжки с искорками,
Вон повыскакали.

В других вариантах порядок, в котором следует один за другим подарки, другой, именно вот какой:

Люли, люли, селезень,
Люли, люли, молодой,
В кафтане, селезень,
В камзоле, селезень,
В черных бархатных штанах,
В белых шелковых чулках,
В сафьянных башмаках,
Пряжки с искорками,
Вон повыскакали.

Понятно, что окончание о пряжках идет именно к башмачкам и должно стоять рядом с ними.

21.

Секс-вею лебеду на берегу,
Завечаю на рассадушку:
Уродись, моя рассада, хороша,
Виловата, кудреватая, была.
Куда вздумала, поехала - пошла.

В чистом поле коноплюшко,
В коноплюшке воробушек сидит,
Он сидит-сидит, на свистывает,
Красных девушек подкликивает:
Ах, вы, девицы-красавицы мои!
Вы придите, посидите у меня,
У меня-млады, горюны-сироты.

Зап. в Николаевске.

22.

Окол Дону, окол Дону,
Окол тихаго Дунаю,
Ходит молодец, гуляет,
Коней новых выбирает;
Кони новы - вороные,
Узды, седлы золотые.
Догадайся, догадайся,
Красна девица-душа!
Принимайся, принимайся
За удала молодца,
Кой любится,
Приголубится,
Кой лучше всех,
Кой краше всех!

Село Кондурчи, Сам. уез.
У Сах., стр. 45, № 56.

23.

Горенка, горенка новенькая,
В горенке печка муравленая,
В печке печурочки серебряные,
В печке загнетки позолоченные;
В горенке девица-красавица сидит;
Долго ли молодцу по горенке ходить?
Долго ли девице по молодцу тужить?
Придет время - сам подойдет.
Сам подойдет, поцелует - прочь пойдет.

Село Кондурчи, Сам. уез.

24.

Как под лесом, под лесочком
Трава вырастала,
По той траве - по мураве

Донской казак ходит,
Он и ходит, он гуляет,
В гусельцы играет;
Он в гусельцы играет,
Невеста выбирает.
Выбрал-выбрал донской казак
Невесту по мысли.
“Девонюшка, девонюшка,
Поди за меня!
Как не пойдешь, вспокашься,
Вспомянешь меня”.
Идти было к соседушкам
Спросить про тебя.
- Соседушка - беседушка,
Какой человек? -
“Хорош - пригож донской казак,
Собой молодец”.
- Спасибо вам, соседушки,
Что вы похвалили,
Девонюшкой-красавицей подарили. -

Зап. там же.
У Сах., стр. 51, № 3.

Вариант.

Как при луге, при лужечке,
При быстрой реке,
Ай люли, ай люшенъки,
При быстрой реке.
Выезжал тут казаченъка,
С Дону казачек,
Выбирал он девонюшку
Тонку, высоку,
Тонешенъка, белешенъка,
Собой хороша... Ай люли, ай люшенъки.

Поется переселенцами из Нижегород.
губ.

25.

Не вода подливала (2)
Что под белую березу (2),
Подступала, подступала (2)
Все неверная сила,
Заряжали, заряжали
Графинские (?) цушки,
Убивали, убивали
Мово наана молодова,
Красавчика дорогова.

12-2132

Сиротели, сиротели
Мои милые дети;
Овдовела, овдовела
Моя панья молодая,
Красавица дорогая.
Я пойду-ли, молоденька,
Вокруг города гуляти,
Своего пана будити:
Ох ты встань, пробудися,
Как сокол встрепенися.
Не сокол встрепенулся,
То мой пан пробудился.
Не овдовела, не овдовела
Моя панья дорогая,
Красавица молодая,
Не осиротели, не осиротели
Мои милые дети.

26.

Сели девки на лужок,
Где муравка и цветок;
Там мой миленький дружок,
Слышу, слышу голосок,
Раздается во лесок.
Едет милый на коне,
Сидит милая в окне,
Машет правою рукой:
Заезжай ко мне, милой,
На широкой на мой двор.
Среди мово двора
Стоит горенка нова,
Нова - выстроена,
Чиста - выскоблена.
В этой горенке новой
Стоит столик дубовой;
Как за этим за столом
Сидит писарь молодой;
Он и пишет в три пера,
Государских дела,
Государских дела
Будут правы завсегда.
Староста, староста,
Рассуди, пожалуйста.
Как и староста дурак
Рассудил дела не так;
Выводи его в народ,
Станем хворостом пороть.

Буз. уезд., с. Зуевка.

Как под белою под березою
Муж учил жену да угрюмоу:
“Возмолись, жена, восклонись, душа!”
- Не тебе взмолюсь, не тебе всклонюсь:
Возмолюсь же я свекру-батюшке.
Свекор-батюшка, отыми меня
От свово сына от любимого,
От мово мужа да от постылого! -
Свекор-батюшка велит пуще бить,
Велит пуще бить, велит кровь пустить.

Затем повторяются первые четыре стиха. Далее:

Возмолюсь же я свекры-матушке:
Свекровь-матушка, отыми меня...

И опять то же окончание. Далее:

Как под белою под березою
Муж учил жену да угрюмоу:
“Возмолись, жена, восклонись, душа!”
- Я тебе взмолюсь, я тебе всклонюсь.

Зап. в Николаевске, Сам. губ.

28.

Ой на горе мак, мак,
Под горою так, так.
У нашего Макарушки,
Золотые рукаушки.
Станьте в ряд,
Говорите в лад:
Не слыхал ли, воробей,
Не слыхал ли молодой,
Как девушки мак сеяли,
Как красные рассевали?
Ой услышал, воробей,
Ой услышал молодой,
Как девушки мак сеяли,
Как красные рассевали,
Не пора ли мне, младой,
Идти домой стряпаться:
Муку сеять,
Хлебы печь,
Щи карить,
Капусту сечь;
Пироги становить;

Я поставил во квашенушке на денушке,
На ладонушке.
На золе хлебы валила,
На печи пекла,
Кочергой гребла,
Много хлеба напекла;
С ними горе горевать,
Куда хлебушки девать?
Накладу я в коробок,
Повезу в городок.
Никто к хлебам не подходит,
Никто даром не берет.
Подошла ряба свинья,
Понюхала и пошла;
Она есть-то не наела,
Только рыло намарала,
Три недели прохорала,
На четвертую неделю
Переставилась.
Соезжались бояре,
Соезжались господа.
Они этой свинье
Дивовались,
От чего это свинья
Переставилась.

Бузул. уез., с. Зуевка.

29.

Что вы к нам нейдете?
Боимся, боимся.
Кого вы боитесь?
Вашего короля.
Короля дома нет,
Сын дома и жена.
Нет сына ни жены,
Ни дочери Анны,
Своячены Марьи.
Как у нашего короля
Растворены ворота,
По самую верею,
По сырь землю.
Ловите, ловите
Серую гусыню
За белую шею.

То же.

Ой Коляда, Коляда,
Посконная борода!
Отпирай ворота,
Выноси пирога!
Кто даст лепешки,
Золоты окошки;
Кто даст каши,
Золотые чаши;
Кто даст свежины,
Золотые чигуны.

(вм. чугуны, горшки из чугуна).
Зап. в Самаре.

31.

Тауси* мауси (?),
Кишли да лепешки,
Свининые ножки,
В печь-то сидели,
В мешок захотели.
Через баушкун двор
Летел соколок,
Уронил сапожок.
Кричит: баушка, подай!
Ты, сударушка, подай!
Мне некогда подавать,
Я ширинки шью
Да к обедне спешу.

To же в Самаре (См. котные прил.)

* Тауси - искаженное таусень, т. е. авсень.

IV.

Свадьбы и теперь представляются самым поэтическим временем в жизни нашего простолюдина: в них сохраняется много старинных подробностей, которые напоминают нам самое отдаленное, доисторическое время, хотя эти подробности мало-помалу теряют прежний смысл и становятся одним только обрядом. Но все-таки и теперь каждый шаг в течение этого торжественного времени сопровождается известным приговором, обрядом и песней. Свадебные песни, полные поэтических образов и звуков, проникнуты глубокой грустью. Девушка, расставаясь с родными, с беззаботной жизнью, с воспоминаниями детства, вступает в чужую семью: она не знает еще мужа, потому что не сама выбирала его; но свекровь и свекор представляются ей существами суровыми и грозными, и неприветно встретят ее золовки и деверья. Ее девичья воля миновала; прошли хороводы, песни и пляски: тяжелая работа и мелкое тиранство убьют ее молодую жизнь. Вот от чего эти стоны, которые слышатся вам в свадебных песнях.

Мимо моего садика,
Мимо моего зеленого,
О-о-ох, мимо моего зеленого
Пролегала дороженька...
Как по той по дороженьке
Дочь от матери ехала.

Большая часть свадебных песен доставлена из сел Зуевки, Бузул. уезда, в котором жители - переселенцы из Воронежской губернии. Песни эти записаны учеником уездного училища в Самаре крестьянином Денисовым. В

Сам. ведомостях 1858 г., № 39-40 помещена небольшая статья "О свадебных обрядах в Бугульминском уезде" ученика гимназии Еропкина; к сожалению, тексты песен, приведенных в этой статье, кем-то подправлены.

1.

Не разливайся, мой тихий Дунай!
Не потопляй зеленые луга!
В тех ли лугах ходит белый олень,
Белый олень - золотые рога.
Мимо тут ехал удалой молодец,
Стегнул он плеточкой белую олень,
Белую олень - золотые рога.
"Ты не бей меня, молодой господин!
В некоторо время сама пригожусь:
Будешь жениться - на свадьбу приду,
Золотыми рогами весь двор освещу,
Двор освещу - всех гостей взвеслю,
Пуще того я невесту твою,
Невесту твою - красну девицу душу,
Чтобы она да не плакала,
Чтобы не теряла белого лица".

Var. в Р. Бес. 1860, т. 2, стр. 79.

2.

Долина-долинушка!
Раздолье широкое!
По той по долинушке
Гулял тут детинушка, (2)
Удал-добрый молодец.*
"Гуляй, гуляй, дитятко,
Гуляй, чадо милое!"
- Как все люди женятся,
А я не женат хожу.
- Женись, женись, дитятко,
Кая те поглянётся.
- Поглянулась Машенька,
У соседа девушка,
У соседа девушка -
В горнице приборщица. -

Зап. в Николаевске. (см. краткие прил.)

* Увидала матушка
С высокого терема. Var.

3.

Селезенюшка сиз-косат,
Ой молоденький бел-хохлат!
Не летел ли ты на море,
Не видел ли ты утешек!
Как мне на море не летать,
Как мне утешек не видать!
Плыли утешки с тростничка,
Плыли серые с камышка,
Усе утешки хороши,
Усе серые пригожи.
Одна утешка лучше всех,
Одна серая пригожей,
Одна перушком порябей,
А головкою посизей,
Ой кто же у нас бел-румян,
Ой кто ж у нас чернобров?
Иванушка бел-румян,
Ой Петрович чернобров.
Не бувал ли у тестя,
Не видал ли ты девушек?
Как мне у тестя не бывать,
Как мне девушек не видать!
Там шли девушки с терема,
Там шли красные с высока,
Усе девушки хороши,
Все красные пригожи,
А Авдотьушка лучше всех,
Григорьевна пригожей:
Она лицом побелей,
Она бровками почерней,
А косой русой порусей,
В косе ленточка поалей.

4.

Авдотьушка воду носит,
Коромысла гнутся.
Архипушка в окно глядит,
Сам слезою льется.
- Да что же вы, коромысла,
Давно не сломались,
Дубовые ведерочки
Давно не скололись?
Да что же ты, Архипушка,
Давно не женился? -
“Опричь тебя, Авдотьушка,
Никто не взлюбился,
Опричь тебя, Григорьевна,
Никто не по нраву”.

- Уж я выйду за вороты,
Все луга, болоты;
Уж я выду за новые,
Луга зеленые.
Гляну, гляну -
В чисто поле,
Архип там гуляет;
Как Архип ли там гуляет
На вороном коне.
На нем шапка, на молодце,
Что мак расцветает,
На нем перстень, на удалом,
На три поля сияет;
Он на три поля сияет,
На все на четыре.
Архипушка Авдотьушке
Послы посылает.
Авдотьушка Григорьевна
Послов не примает:
“Коли он меня полюбит,
То сам ко мне прибудет”.

5.

На дворе невзгодушка, студеная зимушка;
Авдотьушка за Архипом послала,
Послала семьсот рублей на славу,
Себе она, Григорьевна, на хвалу,
Чтобы привезли Архипа побывать,
Чтобы привезли Николаевича погулять.
Гордая, спесивая Авдотья,
Не знала, что в гордости сделать:
Затеяла большие дела батюшке,
Раскинула шитый ковер на дворе,
Посадила сходатаго свата во шатре,
Зазнобила сходатаго свата на ковре.
Затеяла другие дела батюшке,
Раскинула еще шитый ковер на дворе
Посадила Архипушку на коне;
Сама пошла в терем Богу молиться:
“Создай, Боже, красное солнце на дворе;
Обогрей Архипушку на коне,
Николаевича на вороном!”

6.

Григорьева матушка
Всю ноченьку не спала,
Лучинушку светила,
Григорьюшку учила:
“Григорьюшко, дитятко,

Акимович, милое!
Поедешь ты жениться,
Встренут тебя щурья,
Шурья-братья родные,
Они с пивами, с медами;
Станут тебя подначивать:
Не пей вино, не кушай,
Возьми рюмку в руки,
Вылей коню в гриво,
Под право копыто,
Стань ты, гриво, колесом,
Григорьевичке - молодцом,
Акимович - молодым,
Авдотьушка - девушкой,
Григорьевна - красно”.

7.

Сижу я во тереме
Далеко позаде,
Слыши у, как лебедь
Лебедушку кличет:
“Ой, свет, лебедушка,
Свет моя белая,
Подлетай ко мне поскорее!
У меня приволья довольно!
У меня раздолье широко,
У меня луга и болота
И сенные покосы,
У меня трава шелковая,
Вода ключевая”.
Сижу я во тереме
Далеко позаде,
Слыши у, как Иван
Авдотьушку кличет:
“Авдотьушка Николаевна,
Подъезжай ко мне поскорее,
У меня приволья довольно,
У меня раздолье широко,
У меня горенка новая,
Кровать тесовая,
Перина пуховая,
Одеяло шелковое...”

8.

У ворот трава растет,
У ворот шелковая,
По лугам зеленая.
Еще кто траву топтал,
Кто ее протаптывал?

Ой топтали травушку
Все сватья сходатые,
Мужики богатые;
Сватались за девушку,
Сватались за красную,
Марью Ивановну.
А Марьин-то батюшка
По подворью гуляе,
По приданому тужит;
Мне не жалко Марьюшки,
А мне жаль приданого:
Гусака чубарого
И гусыню серую,
Гоголя с гоголкою,
Щеголя с щеголкою.
Гоголек Архипушка,
Беленький Иванович;
Гоголка-то Марьюшка,
Белая Ивановна.

Начало в Р. Б. 1860. 2. 74.

9.

Воюн, воюн-воробей,
Залетная птичечка,
Горемычна кукушечка!
Ты куда, куда летал?
Я из саду до саду,
До калины, малины,
До черной смородины,
До дружки-воробьюшки,
Соловьюшки-Любушки.
Горюн бедный наш Иван,
Победная голова!
Куда едешь от двора?
Я из села до села,
До тестева до двора,
До тещина терема,
До Авдотьиной клети.
Он на клеточке подъезжал,
Об дверочку постучал,
Авдотьушку выкликал:
Авдотьушка; выди к нам,
Григорьевна, выступи!
Я бы рада вышла к вам,
Я батюшки боюсь,
И матушки стыжуся,
Всей семьи не смею;
Я не смею, не выду,
Я не молу*, не скажу.

* Не молу - не молвлю.

Авдотьушка говорит:
Иванушка, стой, подожди!
Петрович, ты подожди!
Уж я рад бы подождать,
Мой ворон конь не стоит,
Копытами в землю бьет,
Из копыта руда* льет.
Буен ветер шляпу рвет,
Ала лента глаза бьет,
С головы шляпа валится,
На белы руки катится,
На золоты перстенечки,
На серебрены колечки.

10.

Мимо садику зеленого,
Пролетал тут соловьюшка.
Он во садик зазирает;
Он пташечек выспрашивает:
“Уж вы пташечки, соловушки,
Вы скажите, не потаите
Про мою ли соловьюшку?”
Ему пташечки отказали,
Молодые ответили:
“Ее тут нету, не видано”. -
“Я сам знаю, что она здесь,
В темноте леса
Гнездышко вьет.
В темном лесе совивает.
Не одна ж она гнездечко вьет,
С нею пташечки пособляют,
Молодые помогают,
В чисто поле отлетают,
По перышку собирают
И гнездышко совивают...”
Мимо терема высокого
Проезжает Архипушка,
Он в терем зазирает;
У девушек выспрашивает:
“Вы, девушки-подруженьки!
Вы скажите, не потаите
Про мою ли Пелагеюшку?”
Ему девки отказали,
Красавицы ответили:
- Ей тут нету, не видано. -
“Я сам знаю, что она здесь,
Во тереме во высоком;

Дары кроит, ширинки шьет.
Не одна же она дары кроит,
Ширинки шьет,
Ей девицы помогают,
Красавицы пособляют;
В новый город отъезжают,
Разного шелка закупают,
По шириночке вышивают,
Пелагеюшке отсылают”.

Припев после каждой строки: ладо, ладо!

11.

“Как тебе, перепелушка,
Как тебе, чисторябая,
Пожар будет перелететь?
Крылышки опалишь,
А ноженъки обожжешь”.
- А я пожар перлечу,
Крылышки не опалю,
И ноженъки не обожгу,
Я крылышки подберу,
А ноженъки подожму. -
“Как тебе, Устиньюшка,
Как тебе, Афанасьевна,
Свекру будет угодить?”
- Я свекру угошу:
Воды на руки подам,
С полотенцем постою. -
“Как тебе, Устиньюшка,
Как тебе, Афанасьевна,
Свекровьюшке угодить?”
- Я свекровьюшке угожу,
В головушке погляжу,
Рубашечку вымлю. -
“Как тебе, Устиньюшка,
Как тебе, Афанасьевна,
Иванушке угодить?”
- Я Иванушке угожу,
Постельюшку постелю,
Столовъце положу.

12.

Зиму и лето сосенушка
Была зелена.
В пятницу Прасковьюшка
Была весела,
А в субботу головушку
Гладила,

* Руда - кровь. Стар.

В воскресенье -
К венчанью шла, -
Плакала.
Не милюсив, сударь батюшка,
Для меня,
Отдает в чужие люди
От себя.
Остаются три садика
Без меня,
Остаются все три зелены,
Все цветут.
Вставай же ты, мой батюшка,
Раненько!
Поливай зеленые сады
Частенько,
Не утренними, вечерними,
Зарями,
После тога горючими
Слезами.
Откуда гонит Ефимушка
Семерых коней,
Семерых вороных
Восьмой воз;
Запречь те бы ворона коня,
Чтобы вез,
Посадить то бы скоморошничка,
Чтоб играл:
Играй, поиграй, скоморошничек,
С села до села,
Чтобы наша Прасковьюшка
Была весела.
Чтобы она, Ивановна,
Была завсегда.

13.

Кто, кто в чести сидит,
Кто, кто в беседушке?
Никита в чести сидит,
Иванович в беседушке!
Обернись, Никита Иванович,
К нам лицом,
Вот тебе чарочка с винцом,
Нам копеечка с копьем,
С государевым письмом!
Никита Иванович,
Человек ты богатый,
Ай тебе столько не стало,
Ай тебе денег не достало!
Ты займи у товарища,
У своего друга милаго,

У Авдотьи Николаевны.
Ой Авдотья Николаевна!
Выведи из позора,
Из великого бесчестья!

14.

Как по сенюшкам Авдотьшка ходила,
Как по новым Николаевна гуляла,
Из завесочки орешечки щелкала,
Шкарлупочки в горсточку клала,
В Николаевы кудри попала,
Чтобы, чтобы Николаюшка оглянулся,
Чтобы ты, Севастьянович, усмехнулся.

(см. нотные прил.)

15.

Кто тебе, Николенька, рубашку прядл,
Кто тебе алленую?
Пряла мне Аринушка,
Она тонко напряла,
Чисто выткала,
Она бело убелила,
Хорошо хлестко исшила,
Николеньку снарядила.
“Износи, Николенька,
Износи рубашечку
В корысти и в радости,
У добром здоровийцы!”

16.

Ой Авдотьшка у батюшки
Дорогая была гостяка,
Золотая метелочка.
Она мела высок терем,
Из кута до порога,
До вешнего пода,
Положила веничик
Под порог под коничек,
Сама села на коничек;
Села-посидела,
Тяжело вздохнула,
В слезах речи говорила,
Про батюшку помянула:
“Государь, ты, мой батюшка,
Государыня, моя матушка!
Ты на что дрова рубишь?
На что терем топишь?”

На что зелено вино куришь?"
Дочь, ты, моя доченька!
Я тебя замуж отдашь.
Я твоих гостей поить,
Я твоих разлучников. -
Разлучили меня молоду
И с отцом и с матерью,
И с роднею - рожденушкой,
С большею семеюшкой.

Не шумите, не гремите, бояре!
Чей-то конь по улице гуляет?
Да все это Иванов конь гуляет,
Да все это Петровичев штурмует;
Ворвался его ворон конь в огород,
Он в огород - в зелен сад;
Вишенье, орешенье изломал,
Макушки, верхушечки поскусал.
Мимо шла Авдотьинка, смолчала.
Мимо шла Григорьевна ничего;
Не смолчала Авдотьина матушка,
Сломила калинову веточку,
Калинову веточку-однолеточку,
Ударила ворона коня по бедру,
Зацепила Иванушку по лицу,
По беленькой по румяненькой по щечке.
Будь же ты, Иванушка, бел-румян,
Будь же ты, Петрович, чернобров,
Чтобы тебя Авдотьинка не узнала,
Чтобы тебя Григорьевна не угадала.
Приезжает Иванушка ко двору,
Приезжает Петрович к своему,
Среди двора его матушка встречала:
Где ты, мое дитятко, пробувал?
Был я в сударыни тещи во гостях,
Немножечко за столиком посидел,
Все ноженьки про ножечки (?) перламал,
Утиочки-шириночки перемарал,
Все это Авдотьинка целовал;
Целовал-миловал, ни с чем домом приехал,
Только привез расшитую ширинку,
Которую Авдотьинка дарила,
Которую Григорьевна жаловала.

Ой на дворе дождь, дождь
Силен поливает;
По тому ли по дождичку
Авдотья гуляет:
Она тужит, горюет:
Куда ж то мне деться,
Куда склониться?
Я кинуся, брошусь
К батюшке на сени,
К родному на новые,
Еще ж на высокие.
Ой батюшка скажет:
Родимая лочка!

На что зелено вино куришь?"
Дочь, ты, моя доченька!
Я тебя замуж отдашь.
Я твоих гостей поить,
Я твоих разлучников. -
Разлучили меня молоду
И с отцом и с матерью,
И с роднею - рожденушкой,
С большею семеюшкой.

Авдотьинна матушка
Мела, мела сени,
Потеряла веник -
Золотую ручку,
Шелковую связку,
Алую завязку,
Бумажные листья.
Взойду я в избу,
Туды-сюды гляну
По всем уголочкам;
Уголочки пусты,
Авдотьинки нету
С большими сундуками,
С большими дарами,
С алыми платками,
С тонкими холстами,
С тонкими ольянными.
Григорьевна мати
Мела, мела сени,
Нашла себе веник - золотую ручку,
Шелковую связку,
Алую завязку,
Бумажные листья.
Взойду я в избу,
Туды-сюды гляну
По всем уголочкам:
Уголочки полны,
Авдотьинка здесь,
С большими сундуками,
С белыми дарами,
С алыми платками,
С тонкими холстами,
С тонкими ольянными.
Теперь мои сени
Метеные будут;
Теперь моя хата
Убранная будет;
Теперь мои крюки
Увешаны будут;
Теперь мои чашки, ложки
Вымыты будут.

Тут тебе не место,
Еще не поместье;
Ой, место, поместье
У лютаго свекра
Хлеба-соли много
И всего довольно.
У лютаго свекра
Привету мне нету
Ни ласкова слова
Ни желанной речи,
На первыя встречи
Не хороши речи”

(см. нотные прил.)

20.

Бел заюшка, горностаюшка,
Куда бежишь да не оглянешься назад,
Не оглянешься, не веротишься?
Ай у тебя где привадушка есть?
Привадушка - камыш травушка,
Прилука моя - ключевая вода,
Разлука моя - шелковая трава.
Митриушка Спиридонович,
Куда едешь да не оглянешься назад,
Не оглянешься, не веротишься?
Ай у тебя где привадушка есть?
Привадушка свет Марьушка душа.
Она меня да привадила к себе,
Привадила, приголубила, млада,
Заставила часто в гостюшки ходить,
Приневолила все гостинчики носить,
Гостинчики - сладки пряники на меду,
Орешки все калененъкие,
Каленые, подареные,
Издалече привезенные.
Митриушка Спиридонович!
Да что ж тебя долго вечеру нет!
Метал шатры он у тестя на дворе,
Ловил ласток-горностаюшек,
Поймал куну свет Марьушку душу.
Ему та куна понравилася,
Лицом, бровью и румяницею,
Косой русой и девичьей красотой;
Во косушке шелковенъкий косничек.
Садился он к Марьушке под бочок,
Выплетывал шелковенъкий косничек,
Он сплел себе шелковую плеточку,
Чтобы было чем ворона коня погонять,
Чтобы было чем Марьушку пробуждать:

Вставай, вставай, ой Марьушка, раненько,
Пряди, пряди, Марьушка, раненько,
Пряди, пряди, Афанасьевна, тоненько,
Води, води Митриушку хлещенъко*.

(см. нотные прил.)

21.

Из-за лесу, лесу темного,
Из-за гор да гор высоких,
Летит стаюшка серых гусей,
А другая лебединая.
Оставала лебедь белая
Прочь от стада лебединого,
Приставала лебедь белая
Ко тому стаду серых гусей.
Не умела лебедушка
По-гусиному кликать;
Ее начали гуси щипать,
А лебедушка стала кричать:
Не щиплите, гуси серые,
Не сама я к вам залетела,
Занесло меня непогодою,
Погодою полуденною,
Полуденною - студеною.
Как заехала душа красна девица
К добру молодцу на широкий двор,
Заехавши, стосковалася.
Ее начали журить-бранить,
Молодушка стала плакати:
Не журите, бабы старые!
Не журите меня - молоду!
Не сама я к вам заехала:
Завезли меня кони добрые
Удалаго добра молодца.

* Хлещенко - хорошо, щеголевато.

Солдатские песни возникают со времени Петра Великого, заступая место былин и песен исторических. Это время было неблагоприятно для народной поэзии, но тем не менее и в этом отеле мы встречаем очень поэтические произведения, как можно видеть из песен, помещенных нами в начале отдела. Некоторые из них возникли до XVIII столетия, и в этом надобно искать объяснения свежести и глубины поэтического чувства, которое слышится в них: тут имя солдата подставлено вместо казака или вообще вместо удалого доброго молодца, какой выведен, например, в песне:

"Уж как пал туман на сине море..."
"Не звезда блестит далече во чистом поле..."

Зато солдатские песни нынешнего столетия едва могут быть названы народными, я не поместил самых диких и уродливых.

1.

Как по травоньке, по муравоньке,
По алым цветам по лазоревым,
Тут стоял-то полк казаченьков.
Как все-то казаченьки во фронту стоят,
Во фронту стоят по своим местам;
Как один-то казак позаде полку, позаде фронту.
Он и думает думу крепкую.
Подходил к нему млад урядничек,
Он и стал его выспрашивать:
"Ох, ты что, казак, призадумавшись стоишь?
Или думаешь думу крепкую?
Или жаль тебе, казак, отца с матерью?
Или жаль тебе роду-племени?
Или жалко тебе свою сторону?"
- Мне не жаль-то отца с матерью,
Мне не жаль-то свою сторону,
Только жалко мне малых детушек!

2.

Ночи мои темные,
Вечера веселые! (Вечера осенние. Вариант).

Уж я все ночи просиживаю;
Уж я все-то думы передумаю,
Как одна дума с ума нейдет:
Кабы были у меня сизы крылушки,
Еще были б у меня золотые перушки,
Вспорхнул бы, посмотрел бы я
Что на том-то терему стоят три стола,
За первым-то за столиком родной батюшка сидит,
За другим за столиком родна матушка,
За третьим за столиком молода жена
С малыми-то со детскими.
Уж вы, дети мои, дети сирые!
Еще нет-то у вас родна батюшки!

3.

Как за реченькой,
За Кубанушкой,
Тут ходил, гулял
Молодой казак,
Молодой казак
С Дону тихаго.
Он ходил, гулял,
Там коня спасал.
Острой шашечкой
Огня вырубал,
Суху травыньку рвал,
На огонь ее клал,
Пораскладывал.
Уж вы раны, мои раны,
Вы тяжелые,
Тяжелым-то, тяжелы,
Кровью изошли!
Перед смертью казак
Стал приказывать,
Вороному коню
Он наказывает:
Уж ты, конь ли, мой конь,
Ты вороный конь,
Обломи-ка, обломи,
Ты дубовый сук,
Оборви-ка, оборви,
Ты ше́кен повод,
Ты поди-ка, мой конь,
Ты поди домой,
Скажи батюшке,
Низкой поклон,
Скажи матушке
Вплоть до земли,
Малым детсккам
Благословенъице,

Молодой жене чебобитьице,
Челобитьице,
Приказанъице,
Хошь замуж идет,
Хошь вдовой сидит!
Да скажи ты ей,
Мой вороной конь,
Что женился
На другой жене,
Нас сосватала
Сабля острыя,
Положила спать
Калена стрела!

4.

Как за реченькою
За Кубаночкою,
Там казак гулял,
Он коня спасал,
Острой шашечкою
Огонек высекал,
Суху травоньку рвал,
На огонь ее клал,
Клал, раскладывал;
Свои ранушки
Перевязывал.
Уж вы, раны ль мои,
Вы тяжелые,
Тяжелым-то вы тяжелы -
К сердцу кровью сошли!
Уж ты, конь ли мой, конь,
Конь вороненькой!
Обломи-ка ты, конь,
Кол дубовенькой,
Оборви-ка ты, конь,
Поводок шелковенькой,
Ты беги-ка, мой конь,
Развороненькой,
По дорожке вдоль,
Ты на тихой Дон,
Что на тихой Дон -
К отцу, к матери в дом:
Родной батюшка тебя
Выдет встретити,
Родна матушка
Будет принимать,
Молодая-то жена
Будет выспрашивать:
“Уж ты, конь ли, конь,
Развороненькой,

Где хозяин-ат твой
Размолоденькой?"'.
- Мой хозяин-ат
В поле женится,
Он берет-то, берет
Молодую жену,
Молодую жену -
Мать сырь землю,
А в приданое берет
Зелены луга,
А в головыице кладет
Бел горюч камень,
Покрывается
Темной ноченькой.

5.

У отца было
У матери
Три сына любимых.
Отец с матерью
Всю ночь не спят,
Всю ночь не спят,
За столом сидят,
За столом сидят,
Думу думают:
- Нам которого сына
В солдаты отдать?
Большого-то отдать,
Детей много,
Среднего отдать,
Жена хороша,
Жена хороша, сильно услужлива.
Уж отдать ли, нет ли
Сына малого,
Сына малого,
Неженатого".
А меньшей-то сын
Расплакался,
Отцу с матерью
Разжаловался:
"Государь ты мой,
Родной батюшка,
Государыня,
Моя матушка!
Или я вам
Не тот же сын?
Или я вам
Не кормилец был?"
- Уж вы дети, мои милые
Мои милые!

Уж вы все-то мне
Милемоньки,
Милемоньки
И больнохоньки!
Вы возьмите-ка
По ножичку,
Уж вы срежьте-ка
По прутику;
Сами сделайте
По жеребью,
И метните-ка
По жеребью,
Что которому
Достанется.
Доставался
Большому брату.
Большой брат
Расплакался,
Перед батюшкой с матушкой
Стоячи.
- Государь ты мой,
Родной батюшка,
Государыня
Моя матушка!
Не покиньте мою
Молоду жену,
Молоду жену,
Малых детушек!

У Якушина, стр. 99.

6.

Уж вы ветры мои, веточки,
Ваши тонкие голосочки!
Вы не дуйте, ветры, на лесочки,
Не шттайте, ветры, в бору сосну!
Во бору ли сосенке стоять тошно,
Стоять тошно сосенке, невозможно:
Не водой ли сосенку подмывает,
Горностайка к сосенке подбегает,
Злы кореньица подъедает.
Посередь сосенки пчелы вьются,
Пчелы вьются, пчелушки не привьются.
Как у Ванюшки кудри вьются, не завьются,
Как у Любушки слезы льются, льются - не уймутся.
"Ты скажи-ка, Любушка, о чем плачешь?
Ты скажи-ка, Любушка, с кем тужаешь?
Или с братьями, или с сестрами,
Или с прежними со друзьями?"
- Уж и есть у меня печаль-горе,
Отдают дружка солдаты!

7.

Как вечер-то моя головушка
Пила-погуляла;
Вечор добрый молодец
Поздно загулялся,
У чужих ворот я, детинушка,
Долго застоялся;
На свою Любу, сударушку,
Загляделся.
И вечер-то меня, молодца,
У ней поимали,
В железушки, разудалого,
Заковали.
Повели меня, детинушку,
В солдатку приемну,
И поставили меня
В казенную меру.
В казенную меру я, удал молодец,
Вышел.
Начали детинушку
Брити-нежалети,
Раскидали мои кудерушки
По всей по приемной.
Соберу-то свои кудерушки
Все до волосочка;
Заверну я свои русые
В гербову бумагу,
И пошлю я их
На родну сторонку -
К сударыне матушке,
К батюшке родному,
К своей молодой жене,
К малым детям.

У Якушкина, стр. 101.

8.

Гулял Ванюшка недельку, гулял-гулял Ваня две;
В том гуляньице веселья Ваня не нашел,
Сударушку-разлапушку до худой славы довел.
Не за то ли Ванюшку-дружочки во солдаты отдают.
Испрошел же Ванюшка-дружочек все губерни-города,
Не нашел он, Ваня-дружочек, супротив солдатского
хуже житья.
Как солдатское житье да разнесчастно - ни в чем
счастья судьба не дала:
Ни в батюшке, ни в матушке, ни в молоденькой
шельме-жене.
Как молоденька шельма-жена за гульбой она пошла,
Своих маленьких ребяток по приемышам она раздала,
По тетушкам, по дядюшкам, по всем сродникам своим.

Зап. в Николаевске, Сам. губ.

9.

Как со вечера ночи-то поют,
Со полуночи дружка куют,
Куют дружка во железушки,
Безут дружка во солдатушки,
Во молоденьки некрутики.
Мимо лесу мимо темного,
Мимо садику зеленого,
Мимо ельничку-березничку,
Мимо частого орешничку,
Пролегала тут дороженька,
Дороженька не широкая,
Не широкая, не торная,
Не торная, не набойная.
Да никто по ней не хаживал,
Никто следу не прокладывал.
Только шли-прошли извозчики,
Извозчики не тяжелые,
Не тяжелые - нагруженные,
С солдатской амуницией.
Наперед идут охотнички,
Позади идут невольнички.
Охотнички песни взгаркнули,
Невольнички слезно всплакнули,
Свою сторону вспомянули:
“Сторона ль, наша сторонушка,
Ты, знамая и знакомая!
На сторонушке слободушка,
На слободушке зазнобушка,
Зазнобушка - красна девушка...”

10.

Шириной ты, дорожка,
Не так широка;
Долиной ты, дорожка,
Конца-краю нет;
Что никто по тебе
Не прохаживал;
Никто следу
Не прокладывал.
Только гнали по тебе
Табун коней.
Табун-то коней
Государевых,
Государевых коней -
Крепко раненых.
Наперед-то бежит
Сив-чубарый конь,
На коне сидит
Млад полковничек.

“Уж и что ж ты, конь,
Не весел идешь?
Ты лугами, конь, идешь,
И травы не рвешь,
Озерами, конь, идешь -
И воды не пьешь!
Али я на тебе
Тяжело сижу?”
- Мне не тяжела твоя
Сбруя ратная;
Тяжела мне твоя
Служба царская!
Как за утра мне коню
Быть убитому,
Тебе, добру молодцу,
Крепко ранену!..”
Как и стал молодец
В грехах каяться:
“Как и первый мой грех
Отца-мать бранил,
Как второй мой грех -
Я сноху любил!...”

у Костомарова, стр. 42, N 7.

11.

Стала, стала девчоночка
Мягкую постелью,
Клала, клала девчоночка
Высоко зголовье,
Ждала, ждала девчоночка
Полковничка в гости,
Пала, пала ко мне вестка
По утру раненько,
Помер, помер наш полковник
Своей скорой смертью.
Остается полковница
Вдовой молодою;
Остаются малы дети
Горькия сироты.
Первой роты мушкетеры
Могилушку роют,
Землю роют, в трубы трубят,
Вечный дом готовят.
Молодая полковница
Стоит слезно плачет;
Во слезах-то полковница
Речи говорила:
- Чтобы эту дороженьку
Пылью заносило,

Чтобы эта могилушка
Травой зарастала,
Травою-муравью,
Алыми цветами!

Стаер, уез., в с. Хрищевке.
у Костомарова, стр. 43. N 10.

12.

Не бела заря занималася,
Не красное солнце закаталося;
Выходила, выступала сила войсковая,
Сила войсковая царя белого,
Государя Петра первого.
Наперед идут со знаменами,
Позади идут с барабанами;
В барабаны-то пробили по-веселому,
Нам указы прочитали по-печальному:
Во втором полку урон сделался,
Урон сделался - генерал помер.
Самого-то генерала на руках несут,
Генерального коня в поводу ведут,
Молодую генеральшу шестерной везут.
Молодая-то генеральша слезно плачет.

13.

У нас по улице,
У нас по широкой,
У нас по мураве,
У нас по зеленои,
Дорожка лежит,
Ворон конь бежит,
Копыта гудут,
Капитан едет,
С капитаншею,
Генерал едет
С генеральшею.
Все везут вести
Да нерадостны,
Нерадостные,
Невеселые:
Как и старых баб
На барабаны дратъ,
А молодушек
На линию гнать,
Красных девушек
Замуж отдавать
За молодых солдат,
За рекрутников.

Красные девушки
И пужалися,
За старых мужьев
Разбежалися.
А после того
Вспохватнулися,
Вспохватнулися,
Обманулися.
Ну ж кабы мы - девки -
Знали-ведали,
За старых мужьев
Мы бы не бегали.
Мы бы пошли замуж
За молодых солдат,
За рекрутников
За молоденьких, за хорошенъких.

14.

Из-за лесу, из-за гор
Подымалась туча-гром, (2)
Со частым мелким дождем;
Как со евтаго дождя
Стала улица грязна, (2)
Пройти молодцу нельзя.
По улице мостовой
Шел фицерик молодой;
Он и шпорами гремит,
На высок терем глядит;
С окошечком поравнялся,
Черну шляпу скидавал, (2)
Честь девице отдавал.
А девица догадалась,
За водицею бросалась:
Где вы, ведра, коромысло?
Где мой шалевый платок? (2)
Прошел миленький дружок
Она хату затопила,
Сама по воду пошла.
У крутого бережка
Гуси серые сидят, (2)
Воду свежую мутят.
Долго девица стояла,
Воды свежия ждала,
Не могла того дождаться
Воде свежей устояться:
Размахнула, почерпнула,
На плечики подняла,
Зашаталися, пошла,
На круту гору взошла,
Солучилася беда -

Расплескалась вода;
Загорелись слобода,
Приезжали господа,
Собирались, дивовались,
Что за эдакой пожар,
Что за эдакой пожар,
За пожарище такой?

Вариант:

А девица догадалась,
За водицеей собиралась:
Взяла ведры, коромыс,
Пошла по воду на них,
Пошла по воду, воду,
На Неву - быстру реку.
На Неве быстрой реке
Гуси серые сидят,
Гуси серые сидят,
Воду свежую мутят.
Размахнулась, почерпнула,
На плечики подняла,
На плечики подняла,
Пошатнулась, пошла.
Близ гостиного двора
Солучилася беда:
Как не сто рублей пропало
И не тысяча...

За тем окончание то же самое, что в песне:

Как под яблонью такой,
Под кудрявой зеленои...

Очевидно, что стих этой песни: "Солучилася беда" напомнил певицу другой мотив, и он стал продолжать его, не обращая внимания на то, что он соединил таким образом две разные песни. Примеры такого соединения различных мотивов разных эпох и разного склада, часто по какому-нибудь случайному сближению, очень нередки.

15.

Уж вы молодцы уланы,
У вас кони-то буланы,
Где вы жили, поживали?
Под Москвей воевали,
Питер, Москву проезжали,

К вдовыньке заезжали;
Пусти, вдова, ночевать,
Ночевать, постоять!
У меня двор не стоялый,
Моя горенка тесненька,
Вас, солдатушки, маленько!
Мечись, воры, чрез заборы!
На двор воры ворвались,
В горенку забралися,
Они сели все по лавкам,
Все по лавкам, все порядком,
Говорил ей сам хозяин:
Скажи, вдова молодая,
Скажи, много ль у тебя хлеба?
У меня хлеба осьмина,
Золотой казны полтина,
Скажи, вдова молодая,
Еще много ль у те деток?
Два сына, третья дочка.
На руке у те колечко,
Завяжи, вдова, колечко,
Завяжи ты во платочек,
У платочка узелочек.

у Якушкина, стр. 105-106.

Немногая из песен, в которых выражается отношение солдата к крестьянину в его деревенской жизни. У Костомарова другое окончание сообщает песне совершенно иной характер, стр. 32.

16.

Ты, Россия, ты, Россия,
Свято-русская земля!
Много славы, много чести,
Много горя тынесла!
Платов казак генерал
По всей армии гулял,*
Всем указы, всем приказы,
Всем маршруты отдавал,
Всем приказы раздавал;
К Францу в гости заезжал:
Француз его не узнал,
За белы руки примал;
За белы руки примал,
За дубовый стол сажал;
Рюмку водки наливал;
На подносе подавал;

* Он по Франции гулял... Вар.

На подносе подавал
И купчишкой называл:
"Ты, купчища, ты, купчина,
Ты, купеческий сынок!
Выпей, рюмку, выпей две,
Скажи правду всее мне,
Скажи правду всее мне
Про Платова казака!"
Кто бы это мне сказал,
Казны-денег много б дал".
- Ну, на что казну терять?
Если можно так узнать.
Ты садись против меня,
Ты гляди все на меня:
"Платов точно как и я". -
Уж француз тут догадался;
Платов скоро убирался,
По частым ступням бежал,
Все записочки бросал,
На крылечко выходил,
Громким голосом кричал:
"Вы, казаки, вы, казаки,
Вы, казаченьки мои!
Вы подите, приведите
Моего добра коня,
Вы подите, приведите
Со конюшнего двора!"
На коня Платов садился,
Точно сокол возвился.**
Ты, ворона, ты, ворона,
Загуменная карга,
Не сумела ты, ворона,
Ясна сокола словить,
Ловить ясна сокола,
Что Платова казака,
Что Платова казака,
Платов сам был у тебя.

* Я у вас в Москве бывал,
Всех купцов и судьев знал,
Одного только не знал
Я Платова казака... Вар.

** Француз скоро догадался,
Приказал коня седлать;
Платов скоро догадался,
Приказал коня подать.
Он садился на коня,
Сам посмеивался.
"Ты, ворона, ты, ворона,
Загуменная карга!" Вар.

Другой текст этой песни, также записанный в Самарской губернии, без всяких значительных отмен, только немножко короче. Ср. в сборнике Костомарова, стр. 15 № 1.

17.

Полно, братцы, нам крушиться,
Перестанем горевать!
Лучше будем веселиться,
С горя песню запоем,
Запоем мы с горя песню
Про солдатское житье,
Как мы жили - веселились
За Дунаем за рекой.
Дунай речка не широка,
Перевоза на ней нет,
Мы на это не смотрели,
Вели плленных за собой.
Летом в лагерях стояли;
Государь явился к нам,
Перед нами разъезжает:
“Вы здорово, мои дети,
Здравствуй, храбры егеря!
Вы скажите, мои дети;
Про походы про свои!”
Мы походы проходили
Под Аршавой городком,
Кровь горячу проливали
Под Аршавой на штыках.

18.

Что в чистом поле за копоть,
За великие туманы?
Где-то мой милой гуляет,
Не со мною, со другою,
С офицерскою женой?
Наш капитан собирается,
Собирается, снаряжается,
Куницами, лисицами изнавешался;
Черным соболем подпоясался!
Самоцветного каменья полну пазуху наклад,
А каленые стрелы по лугам расстрелял,
Самоцветные каменья красным девкам раздавал.
“Уж вы, девушки, любите меня,
Станете любить, стану чаще ходить,
Стану чаще ходить, стану больше носить.
Когда рубль, когда два, когда пять-шесть вдруг,
Полтинушки не случилось, не протягивайся за то,
Не прогневайся зато, не стыди мое лицо!”

19.

У майора полкового две дочки хороши,
Охотницы его дочки гулять до полночи.
До полуночи гуляли, домой приезжали,
Шубки-юбки скидавали, кафтаны вздевали,
На конюшный двор ходили, коней заложили.
Поехали его дочки к генералу в гости;
Енерала дома нету, один млад полковник.
Выходил душа полковник на красно крылечко,
Выносил душа полковник вина зеленого,
Подносил душа полковник меньшой сестрице.
А большая-то сестрица меньшу унимала:
“Ты не пей, душа сестрица, вина зеленого,
Не пропей, душа девица, ума молодого!”

Зап. в Самаре.

20.

Как и по мосту, мосточку,
По калинову мосточку,
Тут и шли-прошли солдаты,
Солдатушки молодые,
Офицеры полковые,
Несли в руках фонаречки,
В фонаречках уголечки.
Подымались ветерочки,
Раздували уголечки,
Выпал, выпал уголечек
Под калиновый мосточек.
Калин-мостик загорелся,
Солдатушки испугались,
По квартирам разбежались,
На квартире солдат Яшка,
А хозяин-то Ивашка.
У Ивашки дочь Наташка,
Ложилася спать на лавку,
Возле самого прихода.
Кто ни придет, не приедет,
Одполом одевает;
По три мыла измывает,
По четыре грошевыея,
По три юбки надевает,
По четыре душегрейки.

Бузул. уез. с. Савинки, из Вор. г.

21.

Ты скажи, Марусенька,
Не утай, моя душенька,
А и кто без меня
Были гости у тебя?
“Были генерал смоленский,
Да майор преображенский,
Да поручик-голубчик был семеновский улан”.
Ты скажи, Марусенька,
Не утай, моя душенька,
А что без меня
Пили гости у тебя?
“Генерал пил водочку,
А майор - вишневочку,
А поручик-голубчик пил наливочку со мной”.
Ты скажи, Марусенька,
Не утай, моя душенька,
А что без меня
Если гости у тебя?
“Генерал ел курочку,
А майор ел уточку,
А поручик-голубчик кушал рябчика со мной”.
Ты скажи, Марусенька,
Не утай, моя душенька,
А кого без меня
Любят гости у тебя?
“Генерал любит горнишну,
А майор любит нянюшку,
А поручик-голубчик меня, молоду”.

22.

“А Ванюшка, мой батюшка,
Куда тебя снаряжают?”
- А мамынька, в солдаты,
Сударыня, в солдаты,
Не тронь, в солдаты,
Не замай, в солдаты,
Что ж делать, в солдаты. -
“А Ванюшка, мой батюшка,
Что ты будешь в солдатах делать?”
- А мамынька, учиться...
“А Ванюшка, мой батюшка,
Что ты будешь есть-то?”
- А мамынька, сухари...
“А Ванюшка, мой батюшка,
Сухари-то жестки”.
- А мамынька, размочу...
“А Ванюшка, мой батюшка,
Что еще там делать?”

- А мамынька, отдыхать...
“А Ванюшка, мой батюшка,
С кем же отдыхать-то?”
- А мамынька, с женой...
“А Ванюшка, мой батюшка,
Где жену-то возьмешь?”
- А мамынька, украду...
“А Ванюшка, мой батюшка,
Она убежит?”
- А мамынька, догоню,
Сударыня, догоню,
Не тронь, догоню,
Не замай, догоню,
Что же делать, догоню.

Припев постоянно один и тот же.

Записано в Николаевске.

Приволжские степи издавна были у нас классическим местом удальства и разбоев, точно так, как и самая Волга.

Здесь слагались песни про удалую жизнь; здесь они пелись и поются еще и теперь. Отдел разбойничьих песен — один из самых поэтических: в них жизнь уже не стесняется узкими отношениями семьи, бедной обстановкой нашего домашнего быта и, наконец, скучной природой сурового края, который представляет плоскую, однообразную равнину и над нею серое без просвету небо. Тут другая и жизнь, и природа: жизнь вольная, широкая, полная тревоги и борьбы; природа, кажется, та же, но как будто оживленная иной мыслью, иным светом. Тут перед вами рисуется море, на котором “стояли разбойнички семь годов”; степь, по которой “шумят ветры буйные, свистят в уши молодцу про его разбой”; или зеленая дуброва, которая шумит, мешает “доброму молодцу думу думати”, думу думати о том,

“Как завтра доброму молодцу в допрос идти,
Перед грозного судью - самого царя”.
Тут, наконец, земляная тюрьма, и из той тюрьмы

“Ведут молодца да ведь к вешанью;
Идет молодец да сам не качнется,
Его буйная головушка не тряхнется,
Его русыя кудерки не шелохнутся...”

...И отрубят ему буйну голову,
Что по самые могучи плечи...”

“И склоняют его промеж трех дорог:
Между тульской, между курской, промеж питерской...”

1.

На Подоле жила вдова;
У ней было три сына, три дочери.
Как сынки взросли, на разбой пошли,
Дочки выросли, они в лес пошли,
Они в лес пошли да по ягоды.
Как одна-то дочь утонула,
А другую дочь в лесу зверь заел,
Как и третья дочь заблудилась;
Заблудилась она, на огонь нашла.
У огня сидят разбойнички.

Говорит один: "Мы сведем ее".
Говорит другой: "Мы убьем ее".
Говорит третий: "Мы расспросим ее.
Ты скажи-ка нам, уж ты чья така?
Ты какого, скажи, роду-племени?" -
- А я роду из Подолу, жила у вдовы,
А у ней было три сына, три дочери:
Как сынки взросли, на разбой пошли;
Дочки выросли, они в лес пошли,
Они в лес пошли да по ягоды:
Как одна-то дочь утонула,
А другую дочь в лесу зверь заел,
А я - третья дочь - заблудилась,
Заблудилась - на огонь нашла..." -
"Ты, сестра наша, ты, родимая!
Мы - твои братья, братья родные!.."

Этот старинный мотив известен и в Саратовской губернии; но там он поется несколько иначе. Прилагаю два варианта, доставленные мне г. Карлиным из Саратова; они нигде не напечатаны и заслуживают полного внимания любителей народной поэзии.

2.

Как у вдовушки было девять сынов,
Десятая дочь Варварушка.
Как семь-то сынов - на разбой пошли,
Как восьмой-то сын - он царю служит,
А девятый сын - родну мать кормит,
А Варварушку замуж выдали,
За того-ли за муж - за Моряницу.
А мы год живем
И мы два живем;
На третьем годку стосковались,
К родимой матушке собирались.
А мы день ехали,
А мы два ехали;
На третий денек
Притомились;
В чистом поле
Становились;
А мы кашу варили,
Малого дитя кормили,
Налетали тут черны вороны,
Черны вороны - все разбойнички...
- Ты скажи, скажи, молодка,
Чья, откуда ты така?
Иль ты царская, иль боярская,
Иль попова дочь, иль купеческа?

- Я не царская, не боярская,
А я бедная дочь сиротская!
Как у вдовушки было девять сынов,
Да десятая я, несчастная!
Как семь-то сынов на разбой пошли..."
- Так мы зятюшку позарезали,
Мы племянничка в воду бросили,
Мы родиу сестру в полон взяли!...

3.

Во городе
Во Киеве -
Жила вдова
Богатая.
У вдовыньки
Было девять сынов,
Десятая дочка Аннушка.
Как семь-то сынов
На разбой пошли,
Как восьмой-то сын
Ко царю служить,
Как девятый сын родну мать кормить.
Родну мать кормить.
Дочку Аннушку
Замуж выдали,
За заезжего,
За Морянина.
Она год живет;
Она два живет,
Ей на третий год
Бог сынка дает.
Стосковалася
Наша Аннушка,
Собираяася
К родной матушке.
Они день едут,
Они два едут,
На третий день
Становились,
Они кашу варили,
Дитя кормили.
Налетают тут
Черны вороны,
Черны вороны -
Разбойнички;
И Морянина порезали,
Сына малова
В воду бросили,
Они Аннушку
В полон взяли;

А взямыши в полон,
Стали спрашивать,
Стали спрашивать,
Приговаривать:
- Ты не плачь, не плачь,
Боярыня,
Не утай, скажи,
Чья, откудова?
Уж какого ты -
Рода-племени?"
- "Как во городе,
Во Киеве,
Жила вдова
Богатая.
У той вдовы
Было девять сынов,
Десятая -
Я, несчастная!
Как семь-то сынов
На разбой пошли,
Как восемь-то сын
Ко царю служить,
А девятый сын -
Родну мать кормить;
Меня выдали
За Морянина!
- Мы не барина
Позарезали,
А мы зятышке сняли голову!..
Мы не барченка
В воду бросили,
А племянничка
Родимого!..
Нам не барыня
В полюбовницы
На посмешище
Попадалася,
А родна сестра
На великий грех,
На несчастьице
Доставалася!.."

4.

Государь ты, милый батюшка,
Государыня, мила матушка,
Вы сумели меня во' поить, воскормить,
Не сумели замуж выдать!
Отдали меня замуж за вора,
За такого вора, за разбойничка
Муж со вечера стал коня седлать,

К полуночи со двора съезжать,
Молодой жене стал наказывать:
"Ты не спи, жена, не гаси огня,
Как лучины нет, ты огарки жги,
Меня молодца со разбою жди".
У шабренушков кочета поют,
У молодушков все мужья встают,
А мово мужа со разбою нет.
Подает голосок через темный лесок:
- Молода жена, ты встречай меня,
Принимай коня приochenаго,
Меня, молодца, притомленаго!
Узнавай-ко, жена, чей вороный конь,
Узнавай-ко, жена, чья лисья шуба?"
- Развороный конь - моего батюшки,
А лисья шуба моей матушки...
...Я боюсь тебя!... Ты убьешь меня!..."

У Костомарова, стр. 28.

Подобная песня есть и в Малороссии.

5.

На море стояли разбойнички семь годов.
Разбивали судна - корабли - армянски, татарски и купечески;
Они думали-гадали думу крепкую заеданую:
- Кому у нас, ребята, атаману быть?
Атаману быть Ивану Тимофееву,
Эсаулу быть Никитушке Васильевичу. -
- Как-то нам, ребятушки, города пройти? -
- Астрахань-то, славну мати, - пройдем с вечера,
Царицын городочек во глуху полночь,
Саратов и Дубровку на белой заре,
А Самаре городишке не поклонимся,
В Жигулевских горах остановимся;
Кольшки вколовим кленовые,
А причалами причалимся шелковыми,
Атаманушку Иванушку сведем под руки,
Эсаулушко Никитушка и сам сойдет.

В варианте, напечатанном г. Костомаровым, эта песня относится к Стеньке Разину:

"Атаманом быть Степану Тимофеичу".

В Саратовском крае больше помнят и Пугачева, и Стеньку Разина, нежели в Самаре, а поставить Ивана вместо Степана было очень легко по звучанию самих имен.

У Костомарова, 9-10 стр.

Из-за ерика, из-за камского
Выплывали тут два суденышка,
Два суденышка - третья лодочка.
Хорошо-то лодочка изукрашена,
Молодцами лодка изусажена,
Молодцами-гребцами, все разбойничками.
На носу стоит - атаман с ружьем,
На корме стоит - эсаул с веслом.
Посередь лодки шелковый ковер,
На ковре сидит - красна девушка,
Сестра родная - эсаулушки.
Полюбовница - атаманушки.
Стала девушка спать ложится,
Встала девушка по утру рано,
Она, вставши рано, слово молвила:
“Не хорош-то мне, девушки, сон привиделся:
Атаманушке быть убитому,
Эсаулушке быть повешену,
А мне - девушке быть на волюшке!”

У Якушкина, стр. 123, с таким
началом:

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Над горою да над высокую,
Над долиною над широкою,
Обогрей ты нас, добрых молодцев...
Как повыше-то было села Юркина...
Что плыла косна лодочка...

У него же 125. Орл. губ.
У Костомарова, стр. 34.

Вниз по Волге реке с Нижня города
Снаряжен стружек, как стрела, летит;
Как на том стружке сорок два гребца,
Сорок два гребца - добры молодцы.
Они все сидят развеселые;
Как один из них призадумался,
Призадумался, опечалился,
Призадумался, припечалился:
От бела лица красной девицы:
“Уж вы братцы мои, вы, товарищи!
Вы возьмите саблю вост्रую,
Отрубите буйну голову,
Вы пустите ее в быструю Воложку!”

Как светил да светил месяц в полуночи,
Светил в половину;
Как скакал да скакал один добрый молодец
Без верной дружины.
А гнались да гнались за тем добрым молодцем
Ветры полевые;
Уж свистят да свистят в уши, разудалому,
Про его разбои.
А горят да горят по всем дороженькам
Костры сторожевые;
Уж следят да следят молодца-разбойничка
Царские разъезды;
А суют да суют ему, разудалому,
В Москве белокаменной каменны палаты.

Сам. губ. ведомости 1860 г. N 27.

Ср. Текст в ст. Григорьева о русских народных песнях
0.3. 1860. N VI. стр. 470.

Из-под цветика да каменной Москвы,
Каменной Москвы да земляной тюрьмы,
Как из той ли тюрьмы да ведут молодца,
Ведут молодца да ведь к вешанью.
Идет молодец да сам не качнется,
Его буйная головушка не тряхнется,
Его русые кудреки не шелохнутся.
Во руках-то он несет до воскову свечу,
Белы рученъки да воском залило.
Как навстречу ему да православный царь.
Еще стал государь его расспрашивать:
“Ты скажи-ко, скажи мне, добрый молодец,
Скажи, с кем ты воровал, с кем разбой держал?”
- Уж ты, батюшко да благоверный царь!
Я не сам-то воровал, не сам разбой держал:
Воровали-то твои да Донски казаки,
Донски казаки да все казаченьки.
Все казаченьки дуван дуванили,
Дуван дуванили да казну делили,
Казну делили, да казну-денежки.
Уж как я ли, молодец, при том случае был,
При том случае был да все паю просил;
Уж как мне-то молодцу, да паю не дали...
Все казаченьки да испугались,
По низким местам разбежались,
По низким местам да по болотичкам;
Одному-то мне казна доставалася...”

Ср. песни о правеже, помещенные в Из. 2 Отд. Академии.
(Пам. и обр. л. VI стр. 92 и л. XX стр. 308-310).

11.

Уж ты, веснушка, наша весна!
 Ты не в радости, весна, прошла,
 Не в радости, весна, ни в чести,
 Во великой-большой сухоте.
 Уж ты, сад ли, мой садок,
 Сад, зеленый виноград!
 От чего ты, садик, весь просох?
 В саду Ванюшка-Ваня гулял,
 Всее травыньку Ваня примял,
 Алы цветики все Ваня перервал*,
 Во тюрьму Ваня попал,
 Во тюремушке Ваня сидел,
 Сам в окошечко глядел,
 На добра коня смотрел,
 С конем речи говорил:
 "Уж ты, конь ли, мой конек,
 Конь - добра лошадь моя!"
 Что не вывезешь меня
 С белой каменной тюрьмы?"

Бузул. уез. с. Грачевка.

Ср. в Сарат. сборнике, стр. 29-30 N 17; в этом саратовском тексте, по-видимому, соединены две песни.

12.

Добры молодцы все на волюшке живут,
 Один Ванюшка в победушке сидит,
 В каменной, Ваня, государевой Москве,
 В земляной тюрьме, за решетками,
 За железными дверями,
 За висячими замками.
 За утра Ваню к наказаньцу ведут,
 К наказаньцу ко ременному кнуту,
 Ко столбу крашеному, дубовому.
 По праву руку отец с матерью идут,
 По леву руку молоды жена с детьми,
 Молода жена с детьми малыми,
 Позади его православный весь народ.
 Как и стал Ваня говорить жене:
 "Ты сними с меня шелковый пояс,
 С позолочеными на нем ключиками.
 Отопри, жена, окован сундук,
 Уж ты вынь отоль золотой казны,
 Ты дари, жена, молодого палача,
 Чтоб молодой палач меня легче наказывал!"

13.

Как под яблоней такой,
 Под кудрявой, зеленою,
 Сидит парень молодой,
 Держит гусли под полой.
 Разыграйте, гусли, мысли,
 А я песенку спою,
 Я вам песенку спою
 Про женитьбу про мою.
 Как женила молодца
 Чужедальна сторона,
 Чужедальная сторонка,
 Макарьевская ярморка.
 Вниз по Волге по реке,
 У Макарья в ярмонке,
 Солучилася беда
 Да не маленькая:
 Что не сто рублей украли
 И не тысячу;
 Пропадала у него (?)
 Дочь любимая его.
 Как искали ту пропажу
 По болотам, по лесам,
 По болотам, по лесам,
 По ракитовым кустам.
 Как нашли эту пропажу
 У Мошкова на дворе,
 В новой бане на софе.
 Цветно платьице на Енушке
 Изорваное,
 Черепахова гребеночка
 Изломаная,
 Ее буйная головка
 Вся расшиблена.
 Сам разбойничек сидит,
 Да в окошечко глядит,
 Он в окошечко глядит,
 Такие речи говорит:
 "Не ко мне ли в гости едут?
 Не меня ли в гости звать?"

Эта песня, очень известная по Волге, принадлежит XIX столетию:

старики еще помнят проишествие, о котором рассказывается в ней. Несмотря на недавнее происхождение, в ней, исключая немногих мест, удачно выдержан старинный народный склад, что - большая редкость в новой песне.

Уж как нынешние годы
Молоды люди лукавы,
Сызмаленка враговаты.
Как сказали про девицу
Напраслину-небылицу,
Будто я красна девица
Всю ноченьку не сыпала,
В зеленом саду гуляла,
Сладку вишненку щипала,
Не белое блюдо клала,
Милу дружку подавала:
“Примай, милый, поскорее,
Чтоб злы люди не видали,
Чтоб родному не сказали!”
Родной батюшка услышал,
Сам услышал, сам увидел,
Засадил красну девицу
Во темну темницу;
Как у той ли у темницы
Ни дверей нет, ни окошек,
Одна труба дымовая;
Из трубоньки дымок вьется,
У девушки сердце рвется,
Сердце рвется, не уймется.

Не ласточка ко мне прилетела,
Касаточка вестку приносила,
Будто бы мой-то миленький сидит в неволе,
Во той тюрьме в губернском остроге.
В той тюрьме нет ни дверей, ни окошек,
Одна труба и та дымовая;
Из трубоньки дымок повевает,
У девушки сердце занывает,
Пойду, млада, в высоки хоромы,
Возьму, млада, ключи золотые,
Отопру, млада, ларцы кленовые,
Пойду, млада, всех судейdarить,
Судьи денег моих не принимают,
Любезного ко мне не пущают.

Прекрасный вариант для этой песни, записанный С. В. Максимовым в Холмогорах, напечатан в сборнике г. Якушкина, стр. 112.

Низший род песен, которым в строгом смысле нельзя дать и названия народных, представляют нам так называемые лакейские или фабричные песни. Это - пародия на русские песни; они напоминают вам камердинера, который, насмотревшись на барина, старается корчить его в кругу своих деревенских земляков: все в нем фальшиво, начиная с барского галстуха и оканчивая жестом, звуками голоса и, наконец, лорнеткой, которую он старается приладить к своему глазу. Точно тоже впечатление производит на вас лакейская или фабричная песня: в ней нет поэзии, нет искреннего чувства; есть только набор слов, иногда диких и бессмысленных, тонический размер и рифма; искреннее чувство, поэтический образ или меткое слово встретится разве только случайно. Тоже мы видим и в духовных стихах, составляемых в новое время.

Такие песни появились у нас с конца прошедшего столетия; они особенно распространялись в центральных губерниях и, вообще под непосредственным влиянием новой жизни, исходит ли она из учреждения фабрики, трактира, или из барской передней. Никто, конечно, не будет ставить это в упрек новой жизни, но тем не менее в глухих местах гораздо крепче сохранилась, вместе со всякой стариной, и старинная песня. Странно было бы собирать и печатать эти уродливые произведения, в которых воспевается лакейское дон-жуанство; но для подтверждения моей мысли я сообщу несколько песен этого рода: первая из них взята из рукописного сборника XVIII ст. (См. мою статью об этом сборнике в Библ. Записках 1859 г.); остальные записаны в Самаре.

1.

Ах, велика мне беда!
Говорил друг без стыда.
Хорошая моя,
Пригожая моя!
Полюбил, сердце, тебя,
Изнурил уж я себя.
Хорошая моя,
Пригожая моя!
Дерзнул смело объявить:
Ты изволь меня любить!
Перестань, больше не гордись,
Ты в любовь ко мне склонись,
А не склонишься, мой цвет,
То не мил мне белый свет.
Бело лицико твое
Крушит сердце ведь мое.
Тихи взгляды все мутят,
Не могу затем отстать...
Ах ты, черная бровь,
Ты склонись ко мне в любовь.
Правду истинну скажу,
Что на силу уж хожу.
Как не вижу я тебя,
То убил бы сам себя,
Скажу: лучше ты всего
И родства моего.
Ах не мило мне на свете
Во зиме хотя и в лете,
Мне не лето, не весна,
И как степь хожу без сна...

2.

Девица садочком шла,
Раскрасавица зелененьким;
На ней платье - глясе-розовое (белеется, вар.)
А кокеточка алеется, (Полушалочек алеется, вар.)
В правой руке розовый цветок,
А в левой немецкий вейверок. (Еверок, вар.)
Вейверок она помахивает,
Сама с милым разговаривает:
(С кавалером разговаривает, вар.)
“Изошла я все губерни, города,
Не нашла я лучше, краше тебя.
Хоша есть лучше, краше тебя,
На моем сердце желания нет.
Приближаюсь близехонько,
Раскланиваюсь милемонько”.

Вариант.

...Сама с милым разговаривает.
“Уж ты милая, хорошая моя!
Красота неоцененная твоя!
Сколько я бесед произошел,
Лучше тебя красы не нашел;
Хоть и лучше я и краше нашел,
В моем сердце желания об ней нет.
О тебе я, мила девица,
О тебе я сокрушаюсь,
Поцелую дожидаюсь”.

У Якушкина вар. еще безобразнее,
стр. 173-174.

3.

Отлетает сиз голубчик
Из моих ясных очей.
Злые люди все смущают,
Разлучить с милым хотят.
Нас тогда с милым разлучат,
Когда в гроб меня положат,
Очи ясные закроют,
И застынет в лице кровь,
Тогда кончится любовь.
Пойду в землю, буду тлеть,
О тебе милый жалети.
Велю тело я засыпать
Желтым крупным песком.
Уж я подпись надпишу,
Я на мраморной доске.
Я скажу своим подружкам:
Не влюбляйтесь, подружки,
Вы в мужчинах ни в кого!
Одна девушка влюбилась,
Во сырь землю пошла.
Хочу милого забыть,
Но мне сердце не велит.
Русы кудри, лицо бело,
Заразили сердце мне.

4.

Ты на что, мальчик, родился,
Век по девушке страдать,
По несчастной вздыхать?
День веселых не видал
Во мученьи во своем.
Еще что наше мученье?
Не считают ни во что!

Одна девушка прелестна
Уродилась хороша!
Ровно краличка моя,
Припудрены волоса;
К лицу пудри не пристали,
Молодчики любить стали,
Люблю девушку душу,
Во гроб сердце положу,
Сам опять по ней вздохну.

5.

Был вечер я в мушкерах,
Что я видел, вам скажу:
Видел девицу в наряде,
Собой очень хороша.
Бело-тюлева сорочка
И пунцовы сарафан,
Бралиантовы сережки,
Золото на ней кольцо.

VII.

1.

Давай-ко, хозяюшка, домик наживать!
Поедем, разлапушка, в гостинный ряд гулять!
Купили, хозяюшка, себе курочку.
Курочка по семечку сорит-шевырят.
Давай-ко, хозяюшка, домик наживать!
Поедем, разлапушка, в гостинный ряд гулять!
Купили, хозяюшка, уточку себе.
Уточка с носка-плоска,
Курочка по семечку сорит-шевырят.
.....
Купили, хозяюшка, гусыньку себе.
Гусынька го-го, го-го,
Уточка с носка плоска,
Курочка по семечку сорит-шевырят.
.....
Свинка-та хрю-хрю, хрю-хрю,
Телочка - му-му, му-му,
Индоюшка - шулды-булды,
Гусынька - го-го, го-го,
Уточка - с носка плоска,
Курочка по зернышку сорит-шевырят.

2.

Ой чернец сукно снует
Чернец черненует;
Как по этим по суконцам,
Он с Павлом гуляет,
Павла забавляет.
Ой его мать кликала,
А он не слыхал.
Подымы тя, Боже,
Высоко под небеса,
Ой ударь тя, Боже,
Об омет - об солому,
Об тын головою,
Об забор бороудою,
В горшок - в сметану,
В кислое молочице.

3.

Ходили девушки по бережку,
Гуляли красные по крутому,
Садили девушки ярый хмель:
Расти ты, хмелюшко, по тычинке в день!
Без тебя беседушка не водится,
Пьяная браженька не варится,
Добрые молодцы не женятся,

Красные девицы замуж нейдут.
Вздумала Параша замуж пошла.
Теша про зятя пироги пекла,
Соли да муки на четыре рубли,
Сахару, изюму ровно на восемь рублей:
Стал ей пирог во двенадцать рублей.
Думала теша семерым не съесть;
Зятюшка пришел, весь один оплел.
Теша по горенке похаживает,
Косо на зятюшку поглядывает:
- Как тебя, зятюшко, не розорвало! -
“Лучше бы ты, теша, не подчивала!
Приходи ко мне, матушка, на масленице.
Я тебе в те поры честь воздам
В четыре дубины березовые,
Пятый кнут по заказу свит”.
Билася-рвалася, на-силу урвалася;
Бежала-бежала, на-силу ушла.
Приходит ко двору, кричит сыну своему:
- Подъ-ко, погляди, еще кто это идет? -
“Зять у ворот на похмелье зовет”.

У Сахарова вар. стр. 88, у Якушкина стр. 174. Ср. у Кирши Данилова “У Спаса к обедне звонят”, стр. 405.

4.

Я на улице была,
Видила милаго,
Журилася-бранилася,
А теперь не буду;
Наживу себе криваго,
Любить его буду.

5.

Гуляй, гуляй, голова!
Отвечай, моя спина!
Коли будет спине больно,
Любил девушек довольно.

6.

Полюбила торгаша,
Нету денег ни гроша,
Зато слава хороша.

7.

От чего хмелек
Зарождается сперва?
От матушки - от сырой земли,
От гнилой соломинки.

Кто поводится с хмелечком -
Тот и будет человек!
Как повадился детинка
Во кабак ходить-гулять,
Во кабак идет детинка -
Ровно маков твет тветет,
С кабака идет детинка -
Ровно липенъка гола,
Что гола, гола, гола,
В чм матушка родила,
В чм баушка повила!
Он и улицой прошел,
Он к народу подошел,
Он к народу подошел,
Во весь голос закричал:
“А у нас вчера, ребята,
Филимон ночевал,
На полатях спал,
Семь бед сбедовал,
Семь девушки украл,
В кошельнице поклад,
На плечице поднял,
На льдище снес,
По льдищу растрес;
Да и все эти девчонки -
Располозились,
Разъелозились;
А как старая девчища
Васильевища,
Залезла в дуплище -
В осиносище,
Калачом-то манили,
Да и не выманили,
Топором-то рубили,
Да не вырубили;
Как и стара старика -
Его черт догадал,
Девке кукиш показал,
Девка выскочила,
Глаза вытрашила;
Девка дура, девка дура -
Пошла к старость на думу.
- Уж ты дядя-староста,
Рассуди, пожалуйста!
Староста умен, -
Праву рученьку отвел,
Девку по уху оплел.

8.

Молодешенька на рыночек ходила,
Три рученьки молодешенька купила,
Пришла домой, на печь положила:
Ты лежи, моя куделя, всю неделю!

Понедельник был бездельник, весь день пролежала,
А во вторник я ранешенько вставала,
Жарку банюшку, младешенька, топила,
Я во среду с угару пролежала,
Во четверг-то я, младешенька, буйну голову чесала.
А по пятницам добры жены не прядут.
Во субботу по родителям поминки дают,
Воскресенье новоселье прогуляла,
В понедельник с похмельца лежала,
А во вторник я ранешенько вставала,
Я три ниточки тонешенько напряла,
Три мозоли преогромных навертела.

9.

Я с хозяином расчелся,
В путь-дороженьку собрался;
Всю дороженьку проехал,
Об расчете тосковал,
Куда денежки девал,
Все на счеты просчитал.
Через девять ден в десятый
В деревню жить пришел.
Я приехал оборванный,
Всяк смеется надо мной.
Стал я правдой оправдаться,
Но в триголоса кричать:
- Невозможно тому верить,
Чтобы денег не нажить!
В Самаре денег много,
Только даром не дают.
Погребков, трактиров много,
Точно кормят на убой.
Точно кормят на убой,
Чаем голову хоть мой!
Поживика-ты в деревне,
Похлебай-ка серых щей,
Поломай-ка в лесу лык!
Мне наскучило в деревне,
В Петербург проситься стал.
- Вы пустите меня в Питер,
Я не буду баловать,
Я не буду баловать,
Стану деньги наживать;
Когда гриненка случится -
В сундучок ее запру,
А цепковый заведется -
Я к сударушке снесу!”

Из Москвы купец приехал
Он по важным делам.
Ах-ли, ах люли,
Шел по Невскому пришпехту,
Сам перчаткой рассуждал.
Ах-ли, ах люли!
Что за дивная столица
Славный город Петербург!
Испроездя всю Россию,
Веселее не нашел.
Там трахтиров, погребов
И кофейных домов;
Там таких красоток много
Будто розовый цветок.
Привези хоть сорок тысяч,
Все в неделю проживешь.
Если хочешь разгуляться,
Возьми денежек с собой;
Если хочешь промотаться,
Возьми Лелинью с собой,
Леля знает все порядки,
Куда денежки девать:
Ямщику ли заплатить,
Аль трактирчику отдать.
А к буфету подведет,
Тут и шляпу приберет.
Ты ступай, купец, проспись,
Поутру опять явись!
Поутру купец встает,
Счеты в руки он берет.
А на ту пору жена
Она к смерти суждена.
Что ты, миленький, не весел?
Али денег гроша нет.
Отойди ты, шельма, прочь!
Говорить с тобой не в мочь.
А прикащики глядят:
А нам нечего зевать.
Что есть в лавке походней,
Прибирайте поскорей!
Пусту лавку на замок,
А хозяина в острог.
Как посадят на неделю,
Просидит он целый год.
Если некому стараться,
Вместо крысы пропадет.
Ах ли, ах люли!

Несколько местных слов и грамматических форм, за-
несенных из разных губерний.
Алленой - льяной, так точно, как аржаной,
вечор - вчера, также вчера вечером,
долина - длина,
загуменный - прилаг., позади гумен живущий,
игрелива - охотница играть,
коник - лавка или ларь у выхода,
кочет - петух,
кут - задняя лавка,
олляной, ольной - тоже что алленой,
опричь - кроме,
привада - приманка,
посля, опосля - после,
руда - кровь,
ручник - полотенце,
серебрика - шиповник,
солучиться - случиться,
спасать - пасти,
стрелся, стренуть - встретился, встретил,
сходатая, сходаха - сваха,
твет - цвет,
у-вм. в, у водних - в одних,
уся, усе - вся, все,
хлесткий - хороший, бравый,
шабер - сосед,
ширинка - платок, такое полотенце.
Всее, тое - всю, ту; сво - свои, те - тебя и тебе, на тем,
на эвтим - на том, на этом; по улицы - по улице, у реке -
у реки, гуляе, подскоче, подваля, соливат.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3-13
I. СЕМЕЙНЫЯ ПЕСНИ	20

I. Песни детския

1. За горами-то, за высокими	
2. По горам, горам, по высоким	
3. На горе, горе, да на крутой горе	
4. Спи, усни, мое дитятко	
5. Прилетели галочки	
6. Баю, милую дитю	
7. Баю-баюшки-баю, колотушек надаю	
8. Ладушки-ладушки	
9. Сорока, сорока	
10. Ах, ты, радуга-дуга	
11. Дождик-дождик, перестань	
12. Туру-туру, пастушок	
13. Вариант к ней	
14. Варакушка, где была?	
15. Овечушка ялова	
16. А дуду-дуду-дуду	
17. Ах, бей чеботы	
18. Дон-дон-дон	
19. Сова ль моя совая	
20. Вариант к ней	
21. Журавль долгоносый	
22. Куда дороженька	
23. Сваха ты, сваха	
24. Варвара-кума	
25. Из-за лесу из-за гор	
II. ПЕСНИ ПРО ЛЮБОВЬ И СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ . . . 35	

1. По улице по широкой	
2. Девка платье мыла	
3. По рощице Машенька гуляла	
4. Не бела заря в окошко взошла	
5. Молодчик, молодчик молодой	
6. На песку, на камышку	
7. Шла Машенька лесиком	
8. Полно, полно нам, ребята	
9. Как во поле, поле, в широком раздолье	
10. Канареечка-пташечка	

11. Со восточной со сторонушки	
12. Как по лугу, по лужечку	
13. Во саду ли, в огороде	
14. Цвели, цвели в поле цветики да поблекли	
15. Подуй, подуй, погодушка, холодненькая	
16. Не ясен сокол со тепла гнезда солетает	
17. Казаченъко молодой	
18. Как по морю, по моречку	
19. Реки, быстрые потоки	
20. Беленъкий денек проходит, ночка наступает	
21. Из-за горы-горы	
22. Как на горке на горе	
23. Засвистали казаченъки во чистым поле	
24. Об чем ты, Машенька, плачешь	
25. Красота ли, красота	
26. Где ты, голубь, вечер был	
27. Как над речкой, над рекой	
28. Несчастненький мальчик	
29. Ой, зеленое мое виноградье	
30. У нас на улице, у нас по широкой	
31. У ворот девка стоит	
32. Ой горе, горе та, не оране поле	
33. Да вже сосид жыто сие .	
34. За Кубань иду	
35. Диду миду дорыну	
36. А в сусида у Ивана	
37. Что ты, сердце, болиши, ноешь?	
38. Как брат сестру нежит	
39. Как жила была вдовушка-вдова	
40. Отдают меня, младу	
41. Вдоль по улице	
42. Не сон мою головушку клонит	
43. Как у баушки у Варварушки	
44. Чужие жены - лапушки	
45. Лучина, лучинушка березовая	
46. Накачалась на меня зла-лиха жена	
47. Я по бережку хожу, хожу	
48. Вы придите, девушки, ко мне, подумайте обо мне	
49. Во горнице, во светлице	
50. Как на дубчике два голубчика сидят	

III. ХОРОВОДНЫЯ, ИГРАЛЬНЫЯ И ОБРЯДОВЫЯ ПЕСНИ

1. У ворот, ворот, ворот	
2. Уж как звали молодца	
3. Как у наших у ворот	
4. По улице, по улице широкой	
5. Пойду ль, выйду ль	
6. Улица, улица ты, широкая	
7. Ой на горе калина	

8. Как по морю-морю синему
 9. Ой, матушка, тошно мне
 10. Летели две птички
 11. Я качу, качу золото кольцо
 12. В саду яблонька стоит
 13. Калина, малина
 14. Ты Настасья, ты Настасья
 15. Ты Настасья, ты Настасья
 16. Ой во кусте, кусте во калиновом
 17. Ой лесы мои, лесы темные
 18. Что было по травушке по зеленой
 19. По камешкам быстра реченька течет
 20. Уж я селезня любила
 21. Сею-вею лебеду на берегу
 22. Около Дону, около Дону
 23. Горенка, горенка новенькая
 24. Как под лесом, под лесочком
 25. Не вода подливала
 26. Сели девки на лужок
 27. Как под белою под березою
 28. Ой на горе мак, мак
 29. Что вы к нам нейдете
 30. Ой Коляда, Коляда
 31. Тауси мауси

IV. СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

1. Не разливайся, мой тихий Дунай
 2. Долина-долинушка
 3. Селезенюшка сиз-косат
 4. Авдотьушка воду носит
 5. На дворе невзгодушка, студеная зимушка
 6. Григорьевна матушка
 7. Сижу я во тереме
 8. У ворот трава растет
 9. Воюн, воюн-воробей
 10. Мимо садику зеленаго
 11. Как тебе, перепелушка
 12. Зimu и лето сосенушка
 13. Кто, кто в чести сидит
 14. Как по сенюшкам Авдотьушка ходила
 15. Кто тебе, Николенка, рубашку прял
 16. Ой Авдотьушка у батюшки
 17. Авдотьина матушка
 18. Не шумите, не гремите, бояре
 19. Ой на дворе дождь, дождь
 20. Бел заюшка, горностаюшка
 21. Из-за лесу, лесу темного

90

105

V. ПЕСНИ СОЛДАТСКИЯ

1. Как по травоньке, по муравоньке
 2. Ночи мои темны
 3. Как за реченькой
 4. Как за реченькою
 5. У отца было
 6. Уж вы ветры мои, ветерочки
 7. Как вечером-то моя головушка
 8. Гулял Ванюшка недельку, гулял-гулял Ваня две
 9. Как со вечера начи-то поют
 10. Шириной ты, дорожка
 11. Стала, стала девчоночка
 12. Не бела заря занималася
 13. У нас по улице
 14. Из-за лесу, из-за гор
 15. Уж вы молодцы уланы
 16. Ты, Россия, ты, Россия
 17. Полно, братцы, нам крушиться
 18. Что в чистом поле за копоть
 19. У майора полкового две дочки хороши
 20. Как и по мосту, мосточку
 21. Ты скажи, Марусенька
 22. А Ванюшка, мой батюшка

VI. ПЕСНИ РАЗБОЙНИЧЬИ

123

1. На Подоле жила вдова
 2. Как у вдовушки было девять сынов
 3. Во городе
 4. Государь ты, милый батюшка
 5. На море стояли разбойнички семь годов
 6. Из-за ерика, из-за камского
 7. Вниз по Волге реке с Нижня города
 8. Как светил да светил месяц во полуночи
 9. Из-под цветика да каменной Москвы
 10. Уж ты веснушка, наша весна!
 11. Добры молодцы все на волюшке живут
 12. Как под яблоней такой
 13. Уж как нынешние годы
 14. Не ласточка ко мне прилетела
1. Ах, велика мне беда!
 2. Ох чернец сукно снует
 3. Ходили девушки по бережку
 4. Я на улице была
 5. Гуляй, гуляй, голова!
 6. Полюбила торгаша
 7. От чего хмелек
 8. Молодешенька на рыночек ходила
 9. Я с хозяином расчелся
 10. Из Москвы купец приехал

НОТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Песни детские

БАЮ - БАЮШКИ - БАЮ

БАЮ - БАЮШКИ - БАЮ

БАЮ - БАЮШКИ - БАЮ

ЛАДУШКИ, ЛАДУШКИ

Дождик, дождик

Дож-дик, дож-дик, не-ре-стань! Я по-е-ду в А-ре-стань;
бо-гу мо-лить-ся, ча-рю ио-кло- нить- ся.
Я ч бо-га си-ро-та, от-пи-рай во-ро-та
клю-чи-ком, за-моч-ком, зо-ло-тым пла-точ- ком.

Овечушка ялова

О-вэ- чуш-ка я-лэ-ва на ре-чуш-ки
ила- ва-ла, ч-ви- да-ла дья-во-ла
по- бе- жа-ла к ду- бу,
за- ку- си- ла гу- бу.

А ду- ду, ду- ду, ду- ду!

А ду- ду, ду- ду, ду- ду!
Си- дит во- рон на ду- бу;
он и- гра- ет во тру- бу.
Тру- ба то- че- на- я,
но- зо- ло- че- на- я.

П. Песни про любовь и семейную жизнь

По улице по широкой

По у- ли- че, по у- ли- че,
по ч- ли- че по ши- ро- кой,
по му- ра- ве по зе- ле- мой.

Тут шла дев-ка, тут шла дев-ка,
 ТУТ ШЛА ДЕВ-КА — СЕ-МИ- ЛЕТ-КА,
 ТУТ ШЛА ДЕВ-КА — СЕ- МИ- ЛЕТ-КА.

Как на речке, речке

Как на реч-ке, реч-ке, на тон-кой до-щеч-ке
 из под е-ли дон, дон, дон на тон-кой до-щеч-ке.

Дев-ка пла-тье мы-ла, звон-ко ко-ло-ти-ла.
 из под е-ли дон, дон, звонко ко-ло-ти-ла.

Во саду ли, в огороде

Во са-ду ли, в о-го-ро-де
 де-ви-ча гу-ля-ла,
 не-ве-лич-ка, кру-гло-лич-ка,
 ру-мя-но-е лич-ко.

Из-за гор-горы

Из-за гор-го-ры е-дут, е-дут ма-жу-ры.

Из-за гор-го-ры е-дут ма-жу-ры.

(Сту-к(ы), бря-к(ы) во ко-лес-чко, вый-ди, вый-ди,
 ко-хя-но-чка, дай ко-нио во-ди.

У ворот девка стоит

Handwritten musical score for a folk song. The score consists of five staves of music with lyrics written below them. The lyrics are:

У ворот девка стоит,
Ам- чо бе- ло- е го- рит.
Ка- ли- на, ма- ли- на, ма- ли- нуш- ка мо- я.
Са- ма пла-чет - го- во- рит:
На что гми- ленъ- кий сер- дит?
Ка- ли- на, ма- ли- на, ма- ли- нуш- ка мо- я.

Чужи жены — лягушки

Handwritten musical score for a folk song. The score consists of five staves of music with lyrics written below them. The lyrics are:

Чужи же- ны — ля- пуш- ки,
Бе- лы- е ле- бе- душ- ки, а мо-

Handwritten musical score for a folk song. The score consists of three staves of music with lyrics written below them. The lyrics are:

Я шель- ма- же- на — по- лынь — горь- ка- я тра- ва.
Не- у- ря- ли- вя- я, не- до- гадли- вя три дни
печ- ку не то- ни- ла, всею не- де- лю не ме- ля.

Как на дубчике

Handwritten musical score for a folk song. The score consists of six staves of music with lyrics written below them. The lyrics are:

Как на дуб- чи- ке два го- луб- чи- ка си-
дят, про меж- ду се- бя вор- ку- ют то- во-
рят. как про доб- ро- го мо- лод-
чя, про мат- ве- я Пет- ро- ви-
ча: он и сты- ся- чи на ты- ся чу- сту-
нел, ас- си- гна- ци- ей до- ро- гу ч- сти- лал.

Ой на горе калина

Музыкальная нота для песни "Ой на горе калина" в 4/4 времени. Текст песни на русском языке:

Ой на горе калина,
ой на горе калина,
под горою, мой ми-лень-ний, ма-ли-на,
под горою, мой ми-лень-кий, ма-ли-на.
Тут девуш-ки гу-ля-ли,
тут девушки, мой ми-лень-кий, гу-ля-ли,
тут девушки, мой ми-лень-кий, гу-ля-ли.

Летели две птички

Музыкальная нота для песни "Летели две птички" в 2/4 времени. Текст песни на русском языке:

Летели две птички, со-бой не-ве-лич-ки.
Там ле-то, здесь зи-ма, чер-но-брон-ва-я мо-я!
Де-о-ни ле-те-ли, все лю-ди гля-де-ли.
Там ле-то, здесь зи-ма, чер-но-брон-ва-я мо-я!

Тауси, мауси

Музыкальная нота для песни "Тауси, мауси" в 2/4 времени. Текст песни на русском языке:

Та-уси, ма-уси,
киш-ки да ле-пеш-ки, сви-ни-ны-я нож-ки,
в пе-чи-то си-дя-ли, в ме-шок за-хо-те-ли.

Долина - долинушка

До-ли-на - до-ли-нуш-ка! Раз-доль-е ши-
 ро-ко-е! По той по до-ли-нуш-ке
 гу-лял тут де-ти-нуш-ка. Гу-лял тут де-
 ти-нуш-ка, ч-да-л-до-б-рый мо-ло-дец.

Как по сенишкам

Как по се-нишкам Авдотьишка хо-ди-ла, как по
 новым Ни-ко-ла-ев-на гу-ля-ла, из за-
 ве-сон-ки о-ре-шеч-ки щел-ка-ла, шкар-
 ку-пoch-ки в гор-сточ-ку кла-ла.

Ой на дворе дождь, дождь

Ой на дво-ре дождь, дождь си-лен ио-ли-ва...
 ио то му ли по дож-дич-ку Ав-дотья гу-ля-ет:
 о-на ту-жит, го-рю-ет: ку-да-ж то мне де...
 ку-да-ж то мы-не деть-ся, да, ку-да ех-ро нить-ся?

Бел зяюшка, горностаюшка

бел за-юш-ка, гор-но-ста-ю-и(и)-
 ка, ку-да бе-жишь, не ог-ля-неш-ся на-
 зад, ку-да бе-жишь, не ог-ля-неш-ся на-
 зад. Ай у те-бя, ай у те-

Handwritten musical score for a single melodic line, likely a children's song. The music is written on five-line staves using a soprano C-clef. The time signature is common time (indicated by a '1'). The lyrics are written below the notes in a cursive hand. The lyrics are:

БЯ, АЙ У ТЕ-БЯ ГДЕ ИРИ-ВА- ДУШ-КА ЕСТЬ, АЙ У
ТЕ-БЯ ГДЕ ИРИ-ВА- ДУШ-КА ЕСТЬ? ПРИ-
ВА- ДУШ-КА, ИРИ-ВА- ДУШ-КА, ИРИ-ВА-
ДУШ-КА-КА-МЫШ ТРА- ВУШ-КА, ИРИ-ВА-
ДУШ-КА-КА-МЫШ ТРА- ВУШ-КА.